

★ ПОТОМКИ ★ СЫЩИК ПЕТРУСЕНКО ★ ПОТОМКИ ★ СЫЩИК

Ирина Глебова

Выкуп

инвестиж роман ★ инвестиж роман ★ инвестиж роман

Сыщик Петрусенко: потомки

Ирина Глебова

Выкуп

«Автор»

2010

Глебова И. Н.

Выкуп / И. Н. Глебова — «Автор», 2010 — (Сыщик Петрусенко: потомки)

Романы серии «Сыщик Петрусенко: потомки» представляют собой соединение высокохудожественной прозы и детективных, напряжённых сюжетов. Являются современной линией известных ретро-детективов «Сыщик Петрусенко». Главный герой ретро-серии (Викентий Петрусенко) и главный герой современной серии (Викентий Кандауров) – предок и потомок, оба криминальные следователи. Происходит своеобразная стыковка во времени через поколения. Появляется возможность интересного сюжетного хода: в современной серии даётся ретроспектива судеб героев ретро-серии. Выкуп. Главные герои романа – банкир Барков, его вторая жена Инга и племянник Константин, – эпизодически упоминаются в романе «Оборотень». (Книга «Ночные тени»). Действует здесь и сын Баркова Олег, который в «Оборотне» – один из главных героев... У крупного финансиста, директора коммерческого банка Вадима Баркова один за другим умирают два родственника. После этого он получает от неизвестного лица, представляющего какую-то организацию, уведомление: убийства – дело их рук. Они ставят ультиматум... Барков не принимает угрозы всерьёз, однако, когда события принимают совершенно трагический оборот, Барков обращается к профессионалам. Разгадкой этих преступлений и сложной интриги занимается подполковник Викентий Кандауров. Расследуя дело, он едет в Швейцарию. И там встречается с другими потомками сыщика Петрусенко. Читателя ждёт много неожиданностей.

© Глебова И. Н., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	28
Глава 11	34
Глава 12	39
Глава 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Глебова

Выкуп

Глава 1

Тётушка Олимпиада Петровна лежала в гробу маленькая, сухонькая – такая же, как и при жизни. Только лицо очень бледное да глаза закрыты. Эти закрытые глаза и делали её по-настоящему мёртвой. Ведь сколько Вадим помнил, именно во взгляде тёмных пронизательных глаз как бы концентрировалась вся энергия, сила воли, жизнелюбие тёти Олимпиады. Она словно видела всех и всё насквозь, но острый язык и добрая душа у тётушки Липы всегда пребывали в гармонии. И даже поддевая, подшучивая над кем-то, она никогда не обижала человека.

Вадим Сергеевич очень любил тётушку: она была их родовой крови и характера – истинная Баркова. Последние пятнадцать лет он виделся с ней редко, но созванивался постоянно, особенно после того, как семь лет назад по своим финансовым каналам, для которых нет ни границ, ни расстояний, поставил ей телефон.

Гроб стоял на двух деревянных тумбах у вырытой могильной ямы. Дальше, в ряд, тянулись ещё с десятков таких же, заранее выкопанных ям. Кладбище было новым, но уже «заселённым» на огромной площади, разбитой на кварталы. Но всё же сразу видно, что новое, ещё не успевшее обустроиться. Лишь в самом начале попадались могилы с капитальными памятниками, а в основном – из свежих холмиков торчали деревянные временные кресты или просто таблички. Зато на пригорке, словно крепость, стояли полукругом каменные мощные кресты в готическом стиле, а перед ними – изящная кирха. Вадиму уже рассказали, что это – захоронения немецких солдат ещё с войны. Год назад Германия реставрировала их на свои деньги. Глядя на них, Вадим не удержался от усмешки: земля мёртвых так напоминала землю живых! Победённая Германия, процветающая и самодовольная, оказывает гуманитарную помощь своим победителям! И взирает на них с милосердным презрением, свысока – так же, как эти каменные кресты на земляные жалкие холмики...

На аллее остановился ещё один похоронный автобус, из него вытащили гроб, поднесли к следующей вырытой яме. К нему быстро и деловито направился поп, одёргивая рясу и поправляя на груди крест. Этот священник подходил и к ним, как только они вынесли тётушкин гроб.

– Отпевать будем? – спросил как само собой разумеющееся.

«Надо же! – Вадим почти восхитился. – Как быстро сориентировались!» Сейчас все вдруг вспомнили, что они крещённые, православные. Редко кто откровенно называл себя атеистом. Даже те, кто не считали себя верующими и не ходили в церковь, говорили на Пасху: «Христос воскрес!», поздравляли друг друга с Рождеством Христовым. А уж когда умирали близкие, практически все старались хоть слегка, но обряды отпевания соблюсти. Мало ли что! А вдруг!..

И вот – священник прямо на кладбище, какой сервис! Только этот поп совершенно не понравился Вадиму. Ещё молодой, но лицо поношенное, обрюзгшее, хмурое, ряса неопрятная... Вадим успел лишь пожать плечами, не зная, что ответить, как лучшая тётиная подруга энергично замотала головой.

– Ни в коем случае! Липа этого не хотела. Была и оставалась до конца неверующей.

Священник сразу отошёл, а через пару минут Вадим увидел, как он весело смеётся в стороне, с могильными копальщиками. «Ну и правильно, – подумал. – Может это вообще не священник, деляга какой-то...»

– Прощайся, Вадик. Что ж, пора уже... – сказала тётиная подруга Александра Ивановна.

Вадим наклонился, коснулся губами холодного лба, сердце сжалось. Но тут же, оттеснив его, два парня ловко накрыли тётю Липу крышкой, вбили два гвоздя, и, подсунув верёвки, мгновенно опустили гроб в яму. Вадиму опять шепнули:

– Брось горсть земли первый.

Он сделал это, отошёл, пропуская других. Людей было довольно много: тётнины друзья, коллеги, ученики, соседи... Быстро и ловко копальщики набросали земляной холм, пристроили венки. Могила покрылась живыми цветами. Вадим увидел, что женщины, прежде чем положить цветы, переламывают стебли. Заметив его удивлённый взгляд, Александра Ивановна объяснила:

– Если этого не сделать, то через пять минут после нашего отъезда цветов на могиле не будет. Вон видишь – рядом с могильщиками стоят мужчина и женщина. Поверь мне: только и ждут, чтоб мы уехали. Заберут – и на продажу! Тебе, Вадик, такой мелкий бизнес смешон? А они с этого живут... Нет уж, пусть полежат цветочки у Липы. С обломанными стеблями не станут брать.

Тут же к ним подошёл один из копальщиков.

– Хотите, поставим на могиле вот такой крест, – показал на лежащий в стороне деревянный крест. – Хороший, крепкий, долго простоит. Прибьём к нему вашу табличку...

Крест и правда был добротный, обведённый чёрной каймой.

– Ставьте, – согласился Вадим.

– Зачем? – Александра Ивановна попробовала его остановить. – Ты же ведь уже заказал памятник!

Вадим и правда уже оплатил памятник из настоящего мрамора, с тётушкиным изображением. Но он пожал плечами:

– Памятник будет только через неделю... Сколько за этот крест? Всего-то? – Он сразу же расплатился. – Ставьте.

– Не сомневайтесь! – сразу засуетился парень. – Завтра утром приедете, убедитесь – стоит чин чином!

– Утром? – Вадим посмотрел на Александру Ивановну. – Зачем?

– Да так положено, Вадик. Наутро после похорон проводят умершего.

– Но у меня сегодня вечером из Одессы самолёт! Сразу после поминок поеду. Надо!

– Ничего, – успокоила его старушка. – Мы завтра сами придём. Ты и так всё для своей тётушки сделал, что надо. Спасибо тебе! На девять дней сможешь приехать?

– Вряд ли. На сорок – постараюсь.

Часа через три, простившись с тётушкиными друзьями и подругами, Вадим Сергеевич ехал на такси из Николаева в Одессу, в аэропорт. Он наказал шофёру никого по пути не подсаживать. Откинувшись на заднем сидении и приоткрыв окно, он курил, с лёгкой печалью думая о тёте.

Глава 2

Олимпиада Петровна, младшая сестра отца, была самой молодой в своём поколении Барковых. Она и умерла самой последней. Её жизнь стала их семейной легендой. За год до войны Липа окончила педагогическое училище и приехала по направлению в Николаев, учительницей младших классов в школу при судостроительном заводе. В неё влюбился молодой журналист из многотиражки того же завода. Она потом сама рассказывала Вадиму, ещё мальчику, о своём Васе.

– Никогда после я не встречала такого человека! Одновременно красивого и скромного, остроумного и застенчивого, умного и целеустремлённого. Он собирался поступать в университет на журфак, обязательно поступил бы и стал видным журналистом. Если бы не война...

В первый же день, не дожидаясь призыва, Василий пошёл в военкомат. Сначала попал в школу младших командиров. Через полгода, по пути в действующую армию, заскочил всего на три часа в Николаев. Пожениться они не успевали никак, но Липа сама сказала ему: хочу остаться ждать тебя не твоей невестой, а женой – пусть и неофициальной. «А, может быть, и ребёночка рожу. Ты вернёшься с фронта, а у нас – сын или дочь!»

Об этом тётушка Олимпиада тоже рассказывала Вадику, когда он был уже юношей.

– И представляешь, Вадик, – говорила она, – какой был Вася благородный и нежный, как любил меня! Отказался от близости. Сказал: «Ты не понимаешь, сколько трудностей тебе придётся пережить, останься ты не венчанной женой, да ещё с ребёнком! Я ни за что не обреку тебя на это. Вернись – поженемся. Ты будешь ждать, я знаю...»

Похоронка на Василия не приходила – только извещение о том, что пропал без вести. Тётя Олимпиада ждала: сначала потому, что любила и верила, потом – уже не верила, что жив, но любила. А дальше – по привычке. Хотя могла выйти замуж и не раз. Да все претенденты проигрывали по сравнению с Василием. Чем дальше уходило время, тем всё более идеальным становился его образ... Хотя сама тётушка прекрасно осознавала, что с ней происходит.

– Это как история с Ромео и Джульеттой, – говорила она. – Не умри они молодыми, кто знает, как бы повернулась их жизнь. Могли бы рассориться, разойтись, разочароваться друг в друге, полюбить других. А вот однако...

Однако она и не вышла замуж. Но была совершенно не похожа на классическую старую деву. Жила счастливой, открытой жизнью, окружённая друзьями, уже выросшими сорокалетними, но всё ещё любимыми учениками, состояла в каких-то общественных организациях...

Ей исполнилось семьдесят четыре года. Вадим понимал, что это уже приличный возраст – дай Бог самому до такого дожить! Но всё же тётя Липа была не по возрасту здорова, энергична. Не умерла, а, скорее, трагически погибла. Заснула, забыв на газовой плите кастрюлю с водой. Вода закипела, залила огонь, газ шёл и шёл... Так она и не проснулась. Её подруги недоумевали:

– Ну не было у Липы склероза! Бывало, конечно, забудет где что положила. Поищет-поищет, потом сядет, сосредоточится – и обязательно вспомнит! Надо же такое: склеротические старухи, совсем без памяти, живут, а она, бедняжка, разок забылась, заснула – и на тебе!

Вадиму тоже было обидно. Он тётю Липу любил с детства. До подросткового возраста каждое лето он проводил у неё, в Николаеве – на Бугском лимане. А три раза она брала путёвки в одесские санатории – для себя и племянника, и он жил с ней на Чёрном море по месяцу. Это было чудесно, поскольку родители: отец – мастер кинотехпрома, и мать – чертёжница, могли отправить его только в пионерский лагерь. Это уже сейчас, к сорока пяти годам, Вадим Барков всё наवरстал. Сам объехал полсвета, жену каждое лето отправлял то на Средиземноморье, то на Кипр, теперь вот – на Гавайи, сын учился в Англии...

Только в самолёте Вадим Сергеевич наконец расслабился, отдавшись спокойному, плавному полёту. Ещё из аэропорта по личному телефону он связался с племянником Константином. Назвал номер рейса, наказал подать свой автомобиль. И когда через полтора часа вошёл в здание аэропорта своего города, сразу увидел у турникета, среди встречающих, Костю. Махнул ему рукой, улыбаясь. Но парень был явно чем-то озабочен. «Ах, чёрт! – поморщился Барков. – На два дня оставишь дело, и уже какие-то нестыковки!» Константин был не только его племянником, но и помощником в работе.

– Ну, в чём дело? – спросил резковато, как только Константин оказался рядом.

– Невероятное совпадение, дядя! – Молодой человек протянул ему телеграфный бланк. – Получил уже после твоего звонка. Из Воронежа. Читай.

Ничего не понимая, Вадим Сергеевич взял бланк. При чём тут Воронеж? Никаких финансовых операций с этим городом он не вёл. И зачем телеграмма – можно ведь позвонить!

«Разбился автомобиле ваш родственник Венедикт Антонович Мельников. Похороны послезавтра...»

Вадим Сергеевич вскинул удивлённый взгляд на Костю. Тот растерянно и огорчённо развёл руками. Надо же такое: из похорон – на похороны! Дядя Венедикт... Вот несчастье!

Глава 3

Вадим Сергеевич Барков любил всех своих родственников. Это было что-то бессознательное, генетическое. Несколько лет назад он прочитал книгу Ирвина Шоу «Богач, бедняк», и сразу же уловил своё сходство с главным героем. Только тот парень, Рудольф Джордах, помогает своим родным, считая, что обязан это делать – ведь он самый старший в семье. Пока не понимает, наконец, что просто любит всех. Вадим же всегда знал: любой, даже дальний родственник, вызывает у него нежные чувства. Он не был старшим, но оказался самым удачливым в семье. А коль так – желание помочь, посодействовать родному человеку органично рвалось из него.

Вот хотя бы Венедикт Антонович. Казалось бы – двоюродный брат матери, а мать умерла очень давно. Кстати, в таком же точно, ещё молодом возрасте, как и первая, любимая жена Аллочка... Да, дядя Венедикт не прямой родственник – двоюродный дядя. Но у матери не было родных братьев и сестёр, а кузена Веню она любила. Значит, и Вадим тоже любил его. Три года назад ездил на 65-летие дяди, в Воронеж, и подарил машину. Венедикт Антонович двадцать лет ездил на «Запорожце» ещё старой модели – горбатым уродце, который на ходу уже разваливался. Вадим, ещё до того, как сели за праздничный стол, сказал:

– Я, дядя, дарю тебе машину. Не отмахивайся, как решил – так и сделаю. Тебе нужно только назвать марку, я дам распоряжение, и мои люди подберут машину без обмана.

Венедикт Антонович племянника знал, не очень удивился, только категорически отказался от дорогой иностранной модели.

– У меня, Вадик, уже есть на примете машина, «Москвич». Хороший, на нём ездили всего три года. По соседству один знакомый продаёт, недорого уступает.

На том и порешили. Дядя Венедикт очень радовался:

– У нас иномарки угоняют за милую душу! А на «Москвичок» не позарятся! Вот и буду я ездить да тебя добрым словом вспоминать.

И вот теперь – автокатастрофа. Господи, да что же они такие неосторожные, старики! Газом отравиться, разбиться в машине... Как сказал Костя? «Невероятное совпадение!»

Венедикт Антонович не был одиноким, как тётушка Олимпиада. Жена, взрослые сын и дочь, внуки... Но Вадим всё-таки настоял, внёс свою лепту: дал денег на поминки, заказал, вздыхая, такой же памятник, как и тёте. За поминальным столом расспросил, наконец, троюродного брата Владимира: как же произошла трагедия? Кто виновен?

– Думаю, мы точно никогда и не узнаем, – махнул тот рукой. – Отец возвращался с дачного участка, ехал по загородной трассе. В шесть вечера – ещё совсем светло! Там, на трассе, движение небольшое, можно гнать и на скорости. Но он, вообще-то, никогда не лихачил... Гаишники нам рассказали: к их посту подряд три машины подъезжали, говорили – в трёх километрах «Москвич» изувеченный на обочину сброшен.

Владимир, ровесник Вадима, вытер слёзы, успокоился. Рассказал дальше:

– Похоже, отца нагнала сзади тяжёлая машина, типа КАМАЗа. Наехала, подмяла, расплющила... И, конечно, испарилась. Пьяный, наверное, мерзавец был вусмерть – такое сотворить!

– И что, никто не видел? Свидетелей не нашлось?

– Нет, сами не объявились. Милиция, конечно, ищет – и убийцу, и свидетелей. По телевидению объявили, ну, знаешь, как обычно: «Кто был свидетелем дорожного происшествия на таком-то километре, такого-то числа, в такое-то время, просим позвонить...» Пока никто не звонил. Время, правда, прошло ещё немного...

До своего отъезда Вадим уладил ещё несколько дел – денежных, разумеется. Родственники вроде бы и стеснялись просить его, но он понял, что помощь нужна, сам вызвал на раз-

говор. Оказалось, жена дяди – теперь уже вдова, – недавно перенесла инсульт, к счастью – в лёгкой форме. Но в давлении у неё большие перепады, нужно хорошо подлечиться, да только в городской больнице – ни лекарств, ни оборудования. А платные дорогие. Сын Владимира, шустрый парнишка Толик, окончил девятый класс, мечтает поступить в компьютерный колледж.

– Там, конечно, обучение – высший класс, и гарантия поступления в институт. Да только мне сто долларов в месяц никак не потянуть!

Владимир старался не говорить просительным тоном, но и в голосе, и во взгляде сквозили неловкость и надежда.

Вадим обе проблемы решил в пятнадцать минут, по телефону. Один из городских коммерческих банков, деловой партнёр его банка, профинансирует и лечение, и обучение Мельниковых. «Да, да, – ответил ему знакомый лишь по телефонным переговорам коллега, – это такие мелочи! Рад помочь...» Он не сомневался, что Вадим Барков при случае в долгу не останется.

И вновь аэропорт родного города, встречающий Константин, машина, ожидающая его. Словно время замедлилось. Только на этот раз – утро, а не вечер, и Костя – просто встречающий, а не вестник несчастья.

– Домой, – сказал Вадим Сергеевич, садясь сам за руль. – Сначала домой. Освежусь, приду в себя, часа через два появлюсь в офисе.

Он высадил Константина у банка – красивого, оригинальной архитектуры здания с ухоженным сквером и ажурной решёткой вокруг.

– Жду, дядя, – сказал Костя, захлопывая дверцу. – Надеюсь, неприятности кончились. Сколько можно!

Вадим махнул ему в открытое окошко рукой и поехал дальше. Его дом был недалеко, тут же, в центре города. Когда-то молодой директор центрального городского банка получил трёхкомнатную квартиру в престижном доме с так называемой «улучшенной планировкой». Для семьи из трёх человек в то время это казалось роскошью. Теперь Барков мог позволить себе очень многое. Например, купит квартиру современной «улучшенной планировки»: с отдельным входом в собственные двухэтажные апартаменты, где были и бассейн, и сауна, и бильярдная комната. Подобных домов в городе выстроили уже несколько. Но он не стал этого делать, к тому же, всё это было у него на загородной даче. Здесь же, в городе, он просто купил такую же трёхкомнатную квартиру в своём подъезде, прямо над собой – сосед уезжал в Израиль. Сделал евроремонт, винтовую лестницу наверх. Получилась скромная, но приличная шестикомнатная квартира – вполне хватало на семью из трёх человек. А сейчас, когда Олег учился за границей, было совсем просторно.

Вадим Сергеевич открыл подъезд своим ключом. Для гостей существовала система домофона: не выходя из квартиры, входную дверь можно было открыть, услышав по переговорному устройству знакомый голос. Потому подъезд был ухоженный, чистый. На первой площадке и в межэтажных пролётах стояли кадки и горшки с цветами, стулья и пепельницы для курильщиков. У ряда почтовых ящиков Барков достал маленький ключик, открыл свой. Ему в руки выпал длинный элегантный конверт.

Вся периодика и деловая переписка приходила Баркову в банковский офис. Домой – только личная. Потому он сразу подумал, что это написала Инга с Гавайев или Олег. Но и жена, и сын предпочитали звонить. Да и на конверте не было марок, не стояли штампы. Напечатано – явно с принтера, – «Баркову В.С.» И всё. Заинтригованный, Вадим Сергеевич присел тут же в старенькое мягкое кресло у стены и распечатал конверт.

«Господин Барков! Ваши родственники: тётя в Николаеве и двоюродный дядя в Воронеже, – погибли не случайно. Их убили мы. Да, это жестоко, но мы и хотели, чтобы вы, ещё до начала наших переговоров, осознали: мы всемогущи, жестоки, готовы идти до конца. Торговаться с нами не нужно, поскольку разменная монета – жизнь ваших родных».

Вадим Сергеевич сходу проскочил глазами этот первый абзац, и как будто даже не понял. Полный бред! Прекрасная белая бумага, красиво сформатированный компьютерный набор в рамочке... Что же это, Господи Боже! «Ваши родственники погибли не случайно... разменная монета – жизнь ваших родных...» Не может быть!

Но цепкий ум прагматика – бизнесмена и банкира, – из глубины сознания словно бы отчеканил: «Может! Читай дальше!»

Дальше написано было вот что: «Условия просты. Вы находите возможность перечислить со счетов вашего банка один миллион долларов на наш счёт. Этот счёт и банк уже названы на ваш e-mail. Для облегчения вашей задачи устанавливаем срок – полгода. Этого времени достаточно. И переводы можно делать частями. Первый из них ждём через две недели: это должна быть четвёртая часть суммы – не менее. Поверьте: сомневаться и раздумывать не стоит. А тем более – обращаться за помощью. Иначе наши ответные действия будут так же мгновенны и неотвратимы, как те, с которыми вы уже столкнулись».

Подписи, конечно же, не было. Вадим Сергеевич быстро поднялся в квартиру, прошёл в кабинет. Там он снова сосредоточенно прочитал послание. Оно было жутким. Потому что не угрожало, а начиналось с кровавого подтверждения реальности угроз. Баркову совсем не трудно было теперь представить, как огромный КАМАЗ догоняет на пустой трассе «Москвичок», наезжает, наваливается всей тушей на багажник, кабину – давит, размалывает тонкое железо и худенького, седого дядю Веню... А тётя Липа! Не было у неё склероза, просто кто-то открыл газовую горелку, может быть даже предварительно усыпив старушку. Кто-то очень ловкий и безжалостный. Сомневаться не приходилось: так же спокойно он придумает «несчастный случай» и для самых близких людей Баркова. Сына, жены, племянника...

Вадим Сергеевич быстро включил компьютер, стал быстро просматривать электронную почту последних двух дней. И сразу нашёл: номер счёта в банке города Майами, Соединённые Штаты.

Глава 4

Никогда Барков не задумывался над тем, хорошо ли он поступает или плохо, занимаясь денежными операциями. Смешно было бы об этом рассуждать! Сфера финансов настолько самостоятельная и особенная, что не раз к Вадиму Сергеевичу приходило странное ощущение: это вообще не человеческая область! Или божественная, или дьявольская, но не человеческая. Обособленный мир, иные по качественной субстанции отношения, которые если и влияют, то лишь на жизнь человечества вообще, но совершенно не касаются отдельных людей. Даже если кто-то обогащается, а кто-то нищает, это всё равно происходит в стороне от неостановимого, как вечный двигатель, движения финансовых сфер. Там, на этих путях и орбитах – свои законы и своя атомная структура. Если верить в Бога, как в первоначальную силу, запустившую круговорот жизни, то можно представить и поверить, что финансы – приводные ремни этой божественной силы. Ведь недаром, когда год назад распалось такое, казалось бы, крепко и навсегда сбитое государство, как Советский Союз, в банковских кругах не случилось никакого краха или обвала. Некоторая первоначальная растерянность была вызвана чисто субъективными человеческими чувствами. Но единая гигантская финансовая машина тут же рванула вперёд! Какие открылись небывалые перспективы! Разве это не доказательство совершенно особенной природы этой области? Так причём здесь мораль, совесть, честность? Эти качества вполне присущи Баркову, как человеку. Но как финансовый магнат – он просто звёздная пылинка в круговороте финансовых сфер. Там нужно не мучаться человеческими вопросами, а делать дело.

Эту истину Вадим Сергеевич осознал давно и принял её. Полученное письмо вовсе не опровергало его убеждений, наоборот, скорее подтверждало – деньги вне морали! Шок, который он испытал, касался только судьбы погибших родственников и страха за жизни самых близких ему людей. Надо было действовать. Как? Об этом и думал Барков.

У него были партнёры – влиятельные люди. Но они тут не помогут. Даже наоборот: если предстоит согласиться на условия убийц, партнёры вообще ни о чём не должны догадываться. Расстаться с такими суммами общих денег они не захотят. Милицию Барков сразу исключил. Он не верил в её силы. Уважение, правда, испытывал. Два года назад его сын Олег вместе со своим младшим другом попал в очень опасную ситуацию. Мальчик молодец – оказался на высоте, хотя столкнулся с жестоким убийцей-людоедом. Но и оперативники подоспели вовремя. Олег оказался в центре событий случайно, милиция же шла просто по горячему следу. Но одно дело – ловить преступника-одиночку, а другое – международную финансово-террористическую организацию! Нет, милиция не поможет. Видимо, придётся всё обдумывать и решать самому. Впрочем, на одного помощника он может рассчитывать! Да, да, на Константина – толкового молодого человека, племянника, одного из «самых близких родственников», который и сам оказывается под угрозой.

Костя был его единственным племянником. Старшая сестра Люся вышла замуж рано, влюбившись до беспамятства в артиста цирка. Ещё бы: эквилибрист-жонглёр, гибкий и ловкий как пантера, поразил её воображение. Эдик – Эдуард был душой любой компании, очаровательно пел под гитару и приклатнённые песенки, и лирические романсы, забавно рассказывал невероятные гастрольные истории. Люська быстро забеременела и родила уже через четыре месяца после свадьбы. Это произошло перед самым уходом Вадима в армию. А когда он вернулся, маленький Коська уже бегал вовсю. Его папаша-циркач появлялся в семье наездами: то гастролировал с цирком по стране, то шабашил с эстрадной группой по южным курортам. Правда, привозил всегда очень приличные деньги. Но однажды исчез навсегда. Косте было пять лет. К ним наведывались следователи, расспрашивали. Оказалось, Эдуард Охлопин – сценическая фамилия «Миловзоров», – был удачливым и опытным карточным шулером, и однажды,

сорвав очень крупный куш, растворился в неизвестном направлении. Оно и понятно: Эдик всегда отличался ловкостью рук и умением удерживать равновесие. Профессионал.

Так что Костя своего отца почти не помнил. Мужчиной, которого он знал и видел с детства, был дядя Вадим. Когда у Вадима Сергеевича появилась своя семья и сын, он не охладел к племяннику. Костя рос под его покровительством. И престижный колледж, и бизнес-институт племяннику финансировал Барков. Год заставил племянника покрутиться брокером на финансово-торговой бирже, потом взял в свой банк. Сначала начальником отдела валютных операций, потом – вторым исполнительным директором. Парень был смыслённый, оборотистый, да и не мальчишка уже – 27 лет. Обладал Константин и прекрасной коммерческой интуицией: обострённо чувствовал и беспроектную выгоду, и опасные ситуации. Иногда Вадим Сергеевич восхищённо думал: «Надо же, что значит гены! Отца не знал, а жонглирует и равновесие держит почти так же!»

Вообщем, Костя был хваткий финансист и хороший ему помощник. И Барков радовался этому, поскольку на сына Олега не слишком-то рассчитывал. Сын начинал учиться здесь, в инженерно-экономическом институте, но после той криминальной истории, из которой он вышел чуть ли не героем, попросился за границу. И вот уже почти два года он – в Кембридже. Вадим Сергеевич радовался: именно этот университет славился своим преподаванием экономических наук. Кембриджская школа! Но, вернувшись на каникулы после первого года учёбы, Олег сказал, что кроме экономических лекций посещает ещё юридические и кое-что из гуманитарных. Вадим Сергеевич тогда пожал плечами:

– Юридические знания иметь – это отлично! А гуманитарные... Что именно?

– История, английская литература.

– Ну, если не в ущерб основным наукам...

– Ты же меня знаешь, папа! Я или делаю на отлично, или совсем не делаю... Не беспокойся, я везде успеваю.

Но Вадиму Сергеевичу всё же показалось, что сын охладел к экономике. Как бы, вернувшись вскоре на каникулы домой, Олег не заявил, что полностью занялся историей и литературой. А экономику бросил – совсем, чтобы не делать плохо.

Впрочем, Барков всегда понимал, что сын у него – слишком романтическая натура, чтобы стать настоящим финансистом. Уезжая в Англию, Олег, например, подарил свой мотоцикл – шикарный «Харлей-Девидсон», – соседскому мальчику, которого спас. Серёжа и его отец, журналист Игорь Лунёв, отказывались от такого дорогого подарка. Но Олег настаивал, и, в конце концов, сошлись на том, что Серёжа будет пользоваться «Харлеем» в отсутствие Олега. Мальчик получил ключи от гаража, и Барков время от времени видел, как парнишка уезжает на мотоцикле.

Глава 5

Через полчаса, приняв твёрдое решение, Барков снова сел в свою машину и покатил к банку. Попросив секретаря отодвинуть на час все назначенные встречи, он вызвал к себе Константина. Но и с ним не стал вести разговор в кабинете. Периодически Барков проверял свой кабинет, опасаясь подслушивающих и записывающих устройств. Нет, он не боялся каких-то официальных органов – они все были «схвачены» и приручены. Перепроверять его могли только совладельцы и партнёры. И напрасно: в общих делах с ними он был честен и деловые разговоры вёл безбоязненно. Но нынешний случай – совершенно особенный. Стоит пере-страховаться. Потому, когда Костя стремительно распахнул двери кабинета, Вадим Сергеевич встал ему навстречу.

– Что-то душно мне здесь, голова с дороги тяжёлая, соображаю плохо. Давай, дорогой, выйдем на свежий воздух, покурим.

Смешно, конечно, было говорить о духоте: в кабинете работали отличный кондиционер и освежитель воздуха. Но предлог годился любой.

Они вышли через запасной выход – охранник козырнул, пропуская их, – в ту часть при-банковского сквера, которая не просматривалась с улицы. Здесь был устроен поистине тихий райский уголок: берёзки, голубые ели, удобные скамейки между ними. Костя посматривал на дядю сдержанно-удивлённо. Барков подвёл племянника к скамье, сел и достал письмо.

– Прочти. Только что вынул из почтового ящика.

Костя прочёл, поднял глаза на дядю, но ещё с полминуты молчал, покусывая губы. Потом сказал голосом, полным сомнения:

– Это не бред сумасшедшего? Вправду может такое быть? И бабушка Липа, и дед Венедикт?..

– В том-то и дело, Костик, что обе смерти произошли, как говорится, «при неясных обстоятельствах». В таких случаях ведётся следствие. Но смерть Олимпиады Петровны списывают на старческий склероз, которого у неё не было! А убийство Венедикта Антоновича признают, но считают случайным, непреднамеренным. Это письмо ставит все точки над «и» – всё сразу становится на свои места.

– Но как же можно... так – сразу, без предупреждения! А вдруг ты бы и так согласился?

– А вдруг нет? Или не поверил бы в серьёзность угроз...

– Но... нет! – Костя замотал головой. – Я никогда такого не слыхал! Если ни с того, ни с сего взять и убить близких людей, человек может так обозлиться, что к нему и не подступишься!

– Ах, мальчик, ты не понимаешь! Расчёт тонкий и психологически верный. Убили дальних родственников, а угрожают самым близким. Страх должен оказаться сильнее злости... Так и получилось.

– Близким... Это и мне, что ли?

– Ну, ну... – Вадим Сергеевич ласково обнял Костю за плечи. – Не бледней. Я никого из вас под угрозу не подставлю. В конце концов, деньги это просто деньги. И шантажисты эти правы: я найду способ перебросить на их счёт.

– А счёт?

– Я его уже получил. Банк в Майами.

– Ого! – Костя ненадолго умолк. – Но, дядя, а ты не задумывался, кто же это... Кто они?

Вадим Сергеевич взял у племянника письмо, аккуратно сложил его и спрятал во внутренний карман пиджака. Он уже выкурил одну сигарету, но сейчас вновь щёлкнул зажигалкой, затягиваясь следующей.

– Вообще-то, – ответил, – времени для раздумий и анализа ещё не было. Но, что сразу ясно: люди из этой организации неплохо изучили меня. Ведь добрались же до стариков-родственников. Они циничны и профессиональны. Организовать убийства, похожие на несчастные случаи, не просто. Они сумели. И, по всей видимости, они в какой-то степени знакомы с банковским делом.

– И что?

– Ничего, Костик. Я не стану играть в сыщика. Не до того. Они не оставили мне ни времени, ни выбора. Сейчас нужно быстро организовать переброску первой названной суммы.

– Ох, дядя! Такие деньги!

Барков скупо улыбнулся:

– Не жалею. В конце концов, не свои личные. Сделать предстоит всё так, чтоб никто из партнёров ничего не узнал. А через время мы эту сделку нарастим.

– И вновь отдадим!

– Скорее всего да. Если, конечно, ничего не изменится.

– А что может измениться? Ты что-то предполагаешь?

Глаза у Кости заблестели: он был азартным дельцом. Барков пожал плечами:

– Жизнь, дорогой мой, штука очень неожиданная. Ты по молодости лет ещё этого не осознал в полной мере. Никто не может предсказать даже завтрашнего дня. Но одно я знаю точно: никем из вас рисковать я не стану.

– Так что же будем делать, дядя?

– Это я уже продумал. Ты немедленно выедешь в Берн, уже через три дня... Да, за это время успеем оформить все выездные документы.

– Я понял! – Костя вскочил на ноги. – Значит, перебрасывать валюту будем через «Континенталь Стар»?

– Именно. Господин Штрассель тебе поможет всё подготовить там, а я здесь, на месте, начну операцию. Детали мы с тобой успеем отработать.

Швейцарская фирма «Континенталь Стар», имеющая акции авиакомпаний и энергоресурсов, была созданием совместным. Один из её прародителей – коммерческий банк «Премьер», где президентом состоял Барков. Второй – швейцарский миллионер Лео Штрассель, носивший десять лет назад имя Леонид Григорьевич Кричевский. Этот человек был одним из тех, кто мгновенно сориентировался в первые годы перестройки. Нажитые при советском строе немалые подпольные деньги он быстро прокрутил через сеть первых, ещё бесконтрольных кооперативов, отмыл их, скупил и перепродал кое-что из недвижимости, перевёл деньги в зарубежный банк и отбыл за границу. Но продолжал держать связь с одним из «отцов города», через которого и шла к нему та самая дорогая недвижимость. Когда же тот человек из городской администрации ушёл в коммерческую деятельность и стал совладельцем банка «Премьер», он свёл Баркова с Штрасселем. Они отлично поняли друг друга, и вскоре в Берне появилась фирма «Континенталь Стар» – их детище. Барков по просьбе Штрасселя провёл уже две денежные операции тайно от других партнёров. Потому и не сомневался, что Лео сейчас поможет ему.

Глава 6

Костя бывал за границей и раньше. По делам банка, однако, только дважды. Полгода назад, осенью, он ездил в Австрию заключать договор с одним венским финансовым концерном. Это оказалась замечательная поездка. Она перевернула жизнь Константина. Потому что там, в Вене, он встретился с отцом.

... Когда Костя покидал аэропорт своего города, небо нависало свинцово и низко, пропитывая воздух моросью. А в Вене ярко светило солнце, зеленели скверы и аллеи, и пышная эта зелень лишь слегка была тронута жёлтыми и красными тонами. Через два дня, уже почти завершив дела, Константин с лёгким сердцем прогуливался по городу и присел на Рингштрассе за столик открытого кафе. Он уже ел воздушные миниатюрные булочки, запивая чудесным кофе по-венски, когда какой-то человек тронул соседний стул и спросил:

– Позволите?

– Да, пожалуйста, – ответил Костя, и только тут понял, что к нему обратились по-русски.

Вскинув голову, он посмотрел на подошедшего. У столика стоял высокий мужчина, стройный, в отлично сидящем элегантном плаще, без шляпы. Слегка взъерошенные ветром русые волосы и серые смешливые глаза делали его моложавым, однако Костя сразу понял – лет пятьдесят ему наверняка было.

– Я присяду? – ещё раз поинтересовался незнакомец.

Костя пожал плечами: мол, почему бы и нет! Он решил не высказывать удивления и не задавать вопросов. Чувствовал, что неожиданному соседу хочется поговорить. Что ж, значит сам скажет что к чему.

Но, против своей воли, он не мог отвести взгляда от соседа. Казалось, они должны быть знакомы: что-то смутно угадывалось в чертах лица, вспоминалось в движениях. Мужчина подозвал официанта, сказал по-немецки: «Принесите чашечку кофе, только покрепче», – Костя понял, сам хорошо знал этот язык. Потом повернулся к молодому человеку и улыбнулся: белозубо, озорно. И в то же мгновение Костя его узнал! Так же точно озорно и артистично улыбался отец на всех фотографиях, хранящихся у матери. Особенно на одной: в блестящем трико, на арене цирка, вскинув руки навстречу невидимому, но явно аплодирующему залу!

– Вижу, вижу, мой мальчик, ты всё-таки узнал меня!

Эдуард Охлопин легонько потрепал сына по плечу. Костя спокойно перенёс импровизацию отцовского объятия. Он не так чтобы и удивился, по крайней мере, быстро справился с чувствами. Не раз за свою жизнь он думал о том, что его отец, по всей вероятности, жив, и они когда-нибудь встретятся. Когда был подростком, представлял себе несколько вариантов встреч. Например: он припарковывает свой «Мерседес», выходит, а его окликает человек, похожий на него, только старый, измождённый, плохо одетый. Говорит: «Сынок, ты богат, помоги мне!» Он, Костя, меряет его презрительным взглядом с головы до ног, отвечает: «Нет уж... папаша! Я обошёлся без тебя, вот и ты обходись!» Или по-другому: пожилой, похожий на него элегантный человек рассказывает ему, что много лет выполнял секретное задание за границей, даже сейчас не имеет право открывать себя перед сыном, но не мог удержаться... Повзрослев, Константин представлял встречу с отцом несколько иначе. Тот же припаркованный «Мерседес», он выходит и суёт толстую пачку долларов в руки просящему: «Сначала, папаша, приоденься, походи и купи себе жильё, тачку, а потом встретимся, поговорим...» – и всё так покровительственно, добродушно...

И вот теперь словно сбывалась одна из его юношеских фантазий. Отец элегантен, хорош собой, держится и говорит, как коренной венец. Вот сейчас возьмёт и скажет: «Я не имею право раскрываться перед тобой, но не мог удержаться...»

Костя иронически усмехнулся над собой: ну просто встреча Штирлица с сыном в Кракове! Эдуард Охлопин понял эту усмешку по-своему.

– Хорошая у тебя выдержка, парень. С тобой можно иметь дело.

Перед ним уже дымилась чашка кофе. Закурив сигарету, он молча смотрел на Константина. Не предлагал угощения, не расспрашивал о матери, школьных и юношеских годах. Задумчиво отпивал маленькие глотки, молча курил. Потом казал:

– Здесь в командировке? Ты ведь у Вадима работаешь?

И хотя, вроде бы, спросил, но ясно было, что и сам знает. Подтверждая это, кивнул:

– Я никогда не упускал тебя из виду, мой мальчик. Всегда знал, где ты и чем занимаешься. Не сомневался, что мы встретимся, ждал только okazji, вот такой, как сейчас.

– Слишком долго ждал!

Фраза вырвалась сама по себе. Костя тут же пожалел об этом, попытался прикрыть так явно прорвавшуюся обиду иронической ухмылкой. Впрочем, Охлопин как будто и не заметил ни того, ни другого. Он просто пожал плечами и сказал, как само собой разумеющееся:

– Так сложились обстоятельства.

Он совершенно не оправдывался, не пытался что-то объяснить. И Костя вдруг осознал, что ему тоже не хочется ни обвинять, ни упрекать. Никакой позы: всё просто и естественно. И когда отец спросил:

– У тебя ещё много дел? – он ответил сразу:

– Через час улаживаю с фирмой последние формальности, ставим последние подписи, и – свободен.

– И что потом? Сколько можешь ещё пробыть здесь?

– Вообще-то, завтра вечером собирался улетать.

– Узнаю Вадима! – Охлопин засмеялся. – Ни дня на отдых не дал тебе, всё работа, работа...

Косте стало немного неловко, за себя или за дядю – он и сам не понял. Сказал немного вызывающе:

– Почему же, дня на два могу задержаться.

– Вот и отлично! – Отец искренне обрадовался. – В таком случае я приглашаю тебя завтра с утра поехать в Инсбрук, на виллу одного моего друга. Прекрасное место! И очень интересный человек, не пожалеешь.

Остаток дня, после того, как Константин освободился от дел, они гуляли по Венскому лесу, у самых отрогов Альп. Выходили на чудесные поляны с гротами и маленькими водопадами, переходили по ажурным мостикам быстрые прозрачные ручьи, поднялись на фуникулёре в маленькое ретро-кафе, где одетые во фраки оркестранты негромко играли мелодии Штрауса. За это время уже стемнело, и у столиков на открытой площадке зажглись настоящие газовые фонари. Костя и сам уже не замечал, что ловил каждое слово отца почти восторженно. Да, за двадцать минувших лет Эдуард Охлопин не растерял ни своего обаяния, ни умения очаровывать. И Косте казались совершенно очевидными так легко и ненавязчиво поданные отцом откровения:

– Тебе, дорогой, я был не нужен в детстве. Подумай, и сам согласишься. Ты был любимым племянником обеспеченного, по вашим меркам, дядюшки. Сытно жил, получил хорошее образование. А представь: не исчезни я в своё время, сидел бы в тюрьме. Парадокс: сидел бы за то, что сегодня доступно лишь большим деньгам! Ты, небось, тоже бывал в казино, играл?

– Само собой!

– Да, превратности судьбы... Но я о другом. Был бы Вадим в те, советские времена, допущен к банковской кормушке, если бы его близкий родственник, муж сестры, сидел бы в тюрьме за денежные махинации? Да ни за что! И тогда бы сегодняшнее президентство ему не светило. Значит, не мог бы и тебе помогать – ни тогда, ни сейчас.

Костя поразился: такая ясная логическая цепочка ему никогда не приходила в голову. Получается, отец не предатель, а благодетель!

Охлопин засмеялся, ласково пожал его руку, лежащую на столе.

– Да и тебе, мой мальчик, отец-арестант был бы ни к чему! Вот и получается, что я ни в каком виде особенно тебе был не нужен. До поры, до времени. В детстве и юности ты имел всё необходимое. Теперь – другое дело. Теперь ты вырос, и просто обеспеченной жизни уже мало. Ты и сам чувствуешь неудовлетворённость, узость твоих возможностей!

И всё же Костя внутренне ещё сопротивлялся, не хотел так легко сдаваться. Его так и тянуло спросить отца: почему он не захотел встретиться с ним раньше? Ведь Костя уже бывал за границей. Старшеклассником – по путёвке в международном молодёжном лагере в Греции, а студентом – на стажировке в Германии... Но промолчал. В конце концов, отец уже раз ответил: «Таковы были обстоятельства»... Однако насчёт узости возможностей возразил:

– Я могу иметь всё, что хочу! У нас с матерью шикарные квартиры, а когда женюсь – отгрохаю себе коттедж. Машину уже вторую поменял – «Ладу» на «Мерседес». Обедаю в ресторанах, ужинаю в ночных клубах, на любой курорт могу поехать...

– Не обижайся, дорогой, но такое типично «новорусское» мышление смешно для нас, людей запада. Тех, кто знает настоящую власть денег.

– Ты тоже знаешь?

– В какой-то мере, – спокойно кивнул Охлопин. – И после твоих слов ещё больше убедился: пришло время, когда тебе нужен именно я. Теперь я могу тебе помочь.

Глава 7

На другой день, ранним утром, они уже катили по широкой трассе в Инсбрук. Бесшумный и стремительный «Роллс-ройс» мастерски вёл молчаливый шофёр. Машину, сказал отец, прислал за ними тот человек, к которому они направляются. Его друг, господин Рудольф Портер.

– Он немец? Или англичанин? – спросил Костя. – По имени не понять.

– Какое это имеет значение? – пожал плечами Охлопин. – По крайней мере, для самого Рудольфа – никакого. Он гражданин мира. И его хозяин.

– Вот как!

– Сам увидишь.

Костя не сразу заметил, что дорога уже какое-то время идёт на подъём. Только когда отец сказал:

– Мы уже в Тироле. А значит – в Альпах.

Вилла Рудольфа Портера стояла сразу за городом, на небольшом плато, с которого открывался вид и на отливающие белизной вершины Альп, и на горнолыжные Олимпийские трассы, и на чудесный Инсбрук. Хозяин выглядел ровесником отца, таким же стройным и спортивным, только шевелюра пореже и седины больше. Это, впрочем, не старило его худошавое, загорелое лицо. Свитер крупной вязки, мягкие серые брюки, приветливая улыбка, крепкое пожатие руки. Он спросил, на каком языке предпочитает говорить молодой человек. Костя отлично владел немецким, но вопрос был задан по-английски, и для него английский был тоже привычным.

На вилле и в Инсбруке они провели отличных полтора дня. Хозяин виделся с ними только за столом, предоставив отцу и сыну общаться между собой.

– У него как раз сейчас есть одно неотложное дело, – пояснил Охлопин.

– Какие могут быть здесь дела? – удивился Костя. – Курорт!

– У Рудольфа здесь есть рабочий кабинет.

– Правда? – удивился ещё больше Костя. – А мне показалось, что он простак, и всё здесь слишком просто. Красиво, конечно, и удобно. Но... Ты прости, однако у моих некоторых знакомых там, дома, такие коттеджи... Шикарные! С саунами, бассейнами, игровыми комнатами, лифтами, зимними садами... Да что там! Куда этой вилле, не сравнить. А ты расписывал – властелин мира!

Эдуард Охлопин засмеялся.

– Да, мой друг Руди человек скромный. На этой вилле и многих других – в разных красивых местах планеты, – всё просто, но, как ты заметил, удобно. Есть, правда, одно исключение – вилла в Лозанне, на берегу Женевского озера. По сути, это целое поместье, окружённое бетонной двухметровой стеной, а в самом особняке имеется и бассейн, и внутренние дворики со стеклянными крышами, кинозал, да много чего! Но главное – там у Руди находится его деловой европейский центр, оснащённый такой техникой связи, какой тебе ещё долго встретить не придётся! Интернет – это одна из небольших его составляющих.

– Здорово! – восхитился Костя. – Вот бы посмотреть!

– И не мечтай! Это его святая святых, посторонние туда не имеют входа. – Отец улыбнулся. – Но это ещё не всё. У него есть один личный остров – в архипелаге Кермадек, около Новой Зеландии. Это – его собственная страна. Вот там всё – по высшему классу. И дворец, и порт, и аэродром, и ночные клубы, и конные манежи... Есть даже армия – небольшая, сам понимаешь, но вышколенная и вооружённая отлично!

У Константина захватило дух.

– Да ну! А ты не передёргиваешь, отец?

Охлопин весело щёлкнул пальцами:

– Молодец, мой мальчик! С юмором у тебя всё в порядке. А насчёт Руди – истинная правда. Да что остров! Может быть, ты знаешь, есть в Африке такая страна – Ботсвана...

– Слыхал, – кивнул Костя. – И что? Он ею тоже управляет?

– Не иронизируй. Там недавно произошёл переворот, смена правительства. По официальной версии – народные волнения, недовольства. Убрали одного президента, поставили другого. И только несколько человек, я в том числе, знают, что это сделал Рудольф Портер.

– Как же так?

– Как – это не главный вопрос: с его-то деньгами. А вот зачем – это интереснее.

– И зачем?

– В этой маленькой стране – алмазные рудники. Принадлежат они, большей частью, Рудольфу. Прежний президент хотел их национализировать. А нынешний делает всё то, что нужно Руди.

– Фантастика!

Они, возвращаясь с прогулки по окрестностям, как раз входили во двор виллы. Из распахнутого окна второго этажа Рудольф приветливо махнул им рукой, сунул в зубы трубку и скрылся в глубине комнаты.

– А с виду – такой простой человек, вроде фермера или механика.

– Когда у человека такой размах, ему не нужен показной блеск. Кстати, ты понравился Рудольфу. И он заметил, что мы с тобой похожи.

Костя давно уже уловил своё сходство с отцом, ему это нравилось. В холле, устланном мягким ковром, топился камин, они сели в кресла, и слуга тут же поставил перед ними на маленький столик поднос с бокалами и кофейным прибором.

– Мы с Руди решили помочь тебе узнать настоящую жизнь по-настоящему богатого человека. Вот ты сказал мне: «Могу поехать на любой курорт». И много ездил?

– Да нет, – Костя усмехнулся неловко. – Пару недель отдыхал на Кипре. Некогда. Много работы. Особенно, когда стал у дяди помощником.

– Узнаю Вадима, – глаза Охлопина иронически сощурились. – Он и в прежние времена был таким. Здесь, на западе, есть даже термин: «работоголик». А я бы Вадима назвал ещё сильнее – «работоманом». Вроде наркомана. Это болезнь. Ему нужна работа не для того, чтобы жить, а сама по себе. И тебя хочет таким сделать.

– Но я не такой!

– Догадываюсь, – засмеялся отец. – Ты весь в меня! Мы с Руди выдернем тебя оттуда. Но и ты должен будешь для себя постараться. У Рудольфа иждивенцы не котируются. Сумеешь проявить себя предприимчивым, находчивым, смелым, – он с удовольствием поможет. Нет – значит нет!

– Сумею! – сказал Костя. Глаза у него горели, но головы он не терял. – Что же мне придётся делать?

– Нет! – Охлопин засмеялся, обнял парня за плечи, потом провёл ладонью по его волосам. – Сейчас о делах больше говорить не будем. У нас мало времени осталось. Вот через месяц в Берне встретимся, обсудим деловые моменты до мелочей.

Костя накануне сказал отцу, что через месяц у него должна быть командировка в Берн.

На следующий день, после обеда, отец и сын выехали в Вену. Охлопин отвёз Костю прямо в аэропорт Швехат, как раз к нужному рейсу. Прощаясь, сказал с лёгкой грустью:

– Ну что ж, сын, до встречи... – Помолчав, многозначительно добавил. – Приветы никому не передаю.

– Я понял!

Они заговорщицки улынулись друг другу. И когда поток улетающих потянулся к выходу на лётное поле, Костя оглянулся. Высокий, красивый мужчина, русоволосый и сероглазый, вскинул прощально руки. Таким же жестом, как на старой фотографии.

Глава 8

Чёрное море – Крым, Кавказ! Солнечные, пёстрые, шумные, переполненные курортниками приморские города и городки... Молодой Эдик Охлопин любил эти летние гастрольные поездки. Артистов цирка охотно включали в сборные концертные группы. Акробаты, жонглёры, иллюзионисты и даже дрессировщики с собачками или обезьянками очень оживляли программу и привлекали публику. Гастроли хорошо оплачивались, командировочные деньги давали возможность прилично жить и питаться, а всё заработанное – сохранять. Бывали почти всегда и побочные заработки. Крупные санатории и ведомственные дома отдыха приглашали артистов дать концерты на своих сценах – платили сразу и очень прилично. И хотя работать на гастролях приходилось много, всё же время хватало и в море окунуться, и в ресторанчиках посидеть. Эдуард же всегда находил время и возможность для игры.

Коллеги по профессии знали, что Эдик азартный игрок. Но этим их знания и ограничивались. Приятели-катранщики знали, что Жонглёр – сын знаменитого в прошлом карточного шулера Вольта и сам очень авторитетный умелец. Причём кличка его – «Жонглёр» – никак не была связана с цирковой профессией Эдика. Об артисте Миловзорове его приятели по карточным делам понятия не имели. Неуловимо ловкие движения рук сами родили это прозвище. Эдуард не боялся, что кличка выдаст его. Кто бы стал предполагать, что опытный и неуловимый картёжный мошенник так прозрачно намекает на свою реальную профессию? Смешно! И Эдик много лет оставался жонглёром как в явной, так и в тайной своих жизнях. До той самой гастрольной поездки по черноморскому побережью, которая так изменила его жизнь. Собственно, даже не изменила, а просто сделала её другой – совсем другой. Произошло всё двадцать два года назад.

Филармоническая сборная группа уже неделю играла концерты на сочинских летних эстрадах в городских и окрестных санаториях. Ещё пару дней, и двинутся артисты дальше по побережью – Гагры, Пицунда, Сухуми... Эдик же и без того уезжал в Гагры каждый вечер – там ему обламывался такой приработок, о каком коллеги-циркачи и мечтать не могли.

За Миловзоровым давно уже закрепилась слава сибарита. Например, он никогда не жил в тех гостиницах, где селились коллеги. Обычно это были второразрядные гостиницы подешевле, где в номерах располагались по три-четыре человека, ресторан подходил на столовую, а на каком-нибудь этаже функционировал единственный обшарпанный и бедный на ассортимент буфет. Однако артистов такая непритязательность вовсе не тяготила, и только Эдик Миловзоров капризничал. Он непременно уходил жить в лучший городской отель, доплачивая к командировочным из собственного кармана. Впрочем, артисты всегда были народом демократичным, охотно признавая и за собой, и за товарищами необычности и эксцентричности. А Эдик парень обаятельный, компанейский! Хочет шиковать – его дело. После двух-трёх поездок к этому привыкли и уже заранее знали – Миловзоров уйдёт жить отдельно. Иногда, правда, кто-то нет-нет, да и скажет:

– Ты бы лучше не шиковал по люксам, а приберёг денежки для семьи, сыну купил чего...

Эдик пожимал небрежно плечами:

– Они не обижаются.

Люся и Костя и в самом деле никогда не обижались на него: из гастролей Охлопин привозил семье столько денег, сколько его коллегам и не снилось. Но и это была лишь небольшая часть того, что он в самом деле зарабатывал. И вовсе не потому, что он жалел для жены и сына денег! Просто, как бы он объяснил Люсе немыслимо большие гонорары? Она ведь тоже не знала о его второй профессии.

Эдик катил в такси по вечернему шоссе вдоль морского побережья. Уже проскочили Адлер, ещё полчаса – и Гагры. Ночь хорошей работы – ему не привыкать. А потом, рано утром,

всего лишь за час он вновь вернётся в Сочи, в гостиницу, не в «люкс», правда, но в очень приличный одинарный номер, успеет хорошо отоспаться и отдохнуть. Репетиций артисты не проводили – программа была давно притёрта и обкатана, – а выступления начинались лишь во второй половине дня. Так что Эдуард успевал всё – и никто ни о чём не догадывался. Так же, как никто не догадывался, что его потёртый чемоданчик с реквизитом имеет двойное хитрое дно. А там – аккуратно перетянутые резинками пачки американских долларов. Ещё лет семь назад отец, старый Вольт, сказал ему:

– Переводи рубли в доллары при всяком удобном случае.

– И что с ними делать? – не понял тогда Эдик.

– Собирай. – Отец усмехнулся. – Эта валюта самая надёжная в мире. И самая ходовая.

Но Эдуард его тогда не понял. Решил, что у старика начинаются маразматические причуды. Охлопин-старший давно уже не «гастролировал», жил спокойно на пенсию и нажитые игрой капиталы.

– Да зачем они, доллары? – удивился тогда Эдик. – Родственников у нас за границей не оказалось, увы. А здесь были бы рубли, чего лучше! Тебе же хватает родной валюты?

– Времена меняются, сынок. Лет через десять всё будет не так, вспомнишь меня.

Лет через десять! Эдику стало смешно. Это ещё когда! Да и старик – тоже пророк! Никто не знает, что будет через десять лет. А связываться с валютчиками очень рискованно, куда опаснее шулерского ремесла.

Только после смерти отца, три года назад, Эдуард решил последовать его совету. Повзрослел, поумнел. За границу пока не собирался, но как версию – не исключал. Жизнь – штука неожиданная...

Даже теперь, через два десятилетия, вспоминая то давнее время, Эдуард поражался своему везению. Ни разу нигде он не прокололся – ни в карточных махинациях, ни в валютных. Это теперь там, в его бывшей стране, в больших и малых городах открыты пункты обмена валюты. Заходи, продавай, покупай... Никто не спросит ни имени твоего, ни того, откуда у тебя доллары, марки... А прежде... Да что говорить: срок валютчику грозил чуть ли не такой, как убийце!

Однако три года Эдуард покупал доллары – после каждого крупного выигрыша. Эти доллары, уезжая на гастроли, он всегда забирал с собой. Во-первых, чтоб не подставлять под удар, в случае чего, семью. И потом – мало ли чего... Пусть будут под рукой.

Именно для долларов он самолично смастерил в чемодане тайник. Выбрал из своих чемоданов с реквизитом тот, который давно примелькался коллегам. В нём он возил костюм для номера «Джентльмен». На выездных концертах он всегда работал этот номер, и всегда с успехом. Белый, ладно сидевший на нём фрак, чёрные лакированные штиблеты, чёрная шляпа, тросточка и сигара. Непринуждённо, со скучающим видом прохаживаясь по сцене, Эдик словно бы рассеянно жонглировал тросточкой, шляпой и зажжённой сигарой, время от времени затягиваясь ею и выпуская колечки дыма. В самом конце совершенно одновременно шляпа опускалась на голову, тросточка повисала на сгибе локтя, а сигара зажималась зубами... Очень эффектный номер, вызывающий восторженные аплодисменты. Фрак, туфли, шляпа, складная тросточка и пачка сигар как раз помещались в небольшом, уже не новом чемодане. Коллеги-артисты этот чемодан хорошо знали. Устраиваясь жить отдельно от группы, в лучшей гостинице, Эдуард никогда не брал с собой реквизитные вещи. Они оставались в общей куче декораций, костюмов, музыкальных инструментов. Так было надёжнее всего: никто не станет воровать старый чемодан с атрибутами жонглёра.

Глава 9

Шофёр такси, немолодой абхазец, бросил через плечо:

– Гагри, дарагой. Куда ехать?

– Давай к «Ориенталю».

Гостиничный комплекс «Ориенталь» предназначался для иностранных туристов. Расчёт, правда, не совсем оправдывался: иностранцев приезжало не так много. Однако многоэтажное здание основного корпуса и ещё два – трёхэтажные, уютные, затейливой конфигурации, отнюдь не пустовали. Были здесь и свой пляж, автостоянка, ресторан, кафе, бары, теннисные корты, бассейны. Эдик рассчитывал как-нибудь и самому пожить здесь в своё удовольствие. Но сейчас из всех удобств «Ориенталья» его интересовало лишь одно – подпольное игорное заведение.

В одном из трёхэтажных корпусов работал ночной подземный бар. Прямо из холла широкая лестница плавной спиралью опускалась в зал со стойкой, столиками и небольшой эстрадой. Освещение здесь было интимно-приглушённым, но на каждом столике стояли канделябры со свечами-лампочками. Кто хотел – включал. На сцене шли какие-то номера варьете.

В одном углу бара, за бархатной портьерой, имелась дверь. В неё стучали особым образом официанты, провожавшие туда клиента. Его пропускали в коридор-прихожую и дальше – в три комнаты, где шла игра: в карты, нарды и рулетку.

Жонглёр присел на десять минут у стойки, выпил рюмочку джина с тоником, слегка кивнул бармену и проскользнул за портьеру. Его не провожали – он был хорошо знакомым завсегдатаем.

Ни в рулетку, ни в нарды Жонглёр никогда не играл, даже не делал попытки. Презирал. Карты – благородное занятие, где выигрыш зависит не только, и далеко не только от удачного верчения костей или шарика. Быстрый ум и ловкость рук – это не для дураков! И в этот раз: трёх часов не прошло, а лёгкий элегантный пиджак Эдика уже сильно потяжелел. Четыре незаметных внутренних кармана наполнились стопками рублей – четвертаков, полусотенных и сотенных в основном, хотя попадались и десятки. Недавний его партнёр, – подпольный цеховик из Сухуми, – уже полчаса как усиленно поднимал себе настроение за столиком в углу. Здесь не было своего бара, но официанты постоянно сновали, доставляя спиртное и закуски для тех, кто уже отыграл или делал перерыв для следующего тура.

Теперь напротив сидел худощавый грузин, тоже из скрытых миллионеров-коммерсантов, Эдуард с первого взгляда умел их определять. У этих ребят денег было столько, что они могли бы спокойно ездить на Средиземноморские курорты и прокручивать свои миллионы в казино Монте-Карло, Ницце да и на Канарских островах или в Лас-Вегасе. Но увы! Простой советский служащий или даже директор магазина не мог просто так, по собственному желанию, ехать за границу. Даже турпутёвку купить боялись, чтоб – не дай Бог! – не вызвать любопытства: откуда деньги? Вот и ездили «оттягиваться» в Гагры – на свою отечественную Ривьеру. Не тот, конечно, шик и размах, но всё же...

Грузина Эдик тоже сначала прокатил на приличную сумму. Господи, этих толстосумов обманывать легко, как детей! Особенного мастерства не нужно, всяких виртуозных вольтов, на которые Жонглёр был мастак. Достаточно простенького передёргивания. Но потом Эдик решил немного проиграть. Он давно взял себе за правило: не разорять соперника подчистую, чуть ли не до подштанников. Зачем вызывать к себе ненависть, да ещё таких горячих людей, как кавказцы! В какой-то момент игры Эдик, по легко уловимым для него приметам – нервным жестам, бегающему взгляду, движению плеч, – понимал, что его партнёр уже на приделе своих денежных возможностей. А ведь по неписаным, но очень чётким законам картёжников, проигрывающий не имеет право останавливать игру. Только тот, кто выигрывает. Но Жонглёр всегда видел: пора! И расклад начинал выпадать в пользу соперника – раз, второй... Обычно

после второго небольшого выигрыша игрок облегчённо прерывал партию. И уходил даже в хорошем настроении – всё-таки переборол фортуна!

Да, Эдик это хорошо знал: вовремя проиграть полезно и для конспирации, и для азарта. И точно: только он стал проигрывать, как от других столов, побросав свои дешёвые «тройники» и «рамсы», подтянулись к ним те, кто ожидал своих очередей за преферансными столами. Эдик уже незаметно прикидывал, кого бы взять очередным партнёром-жертвой. Из трёх партнёров, с которыми он «расписывал пулю», он всегда безошибочно выбирал одного – самого денежного, именно его и «чистил»... Неподалёку, в мягком кресле, вольготно отдыхал молодой мужчина, потягивая из бокала вино. «Иностранец» – сразу определил Эдик. Тот с интересом наблюдал за игрой и, заметив, что партнёры прощаются, сделал Эдику жест-приглашение. Это было любопытно, а, может, и перспективно. Иностранцы иногда расплачивались валютой.

– Я люблю преферанс, – сказал новый знакомый с сильным акцентом, наливая в бокал Жонглёра вино из своей бутылки. Пригубив, Эдик приподнял брови:

– Отличный херес!

– О, вы не пробовали моего вина!

Говорить по-русски иностранцу было трудно, он сильно коверкал слова. Потому сразу же спросил:

– Вы говорите по-английски?

– Совсем немного. Лучше по-немецки.

– Как жаль! – Собеседник развёл руками. – Этот язык я совсем не знаю.

– А ваш родной?

– Я испанец.

– Вот как? – Эдик весело рассмеялся. – Значит, нам обоим повезло. Вы меня поймёте, а я попрактикуюсь. А то уже забывать стал.

Всё это он произнёс на лёгком, быстром испанском языке, наблюдая, как удивлённо и радостно оживает лицо иностранца.

– Вот это везение! Вы тоже испанец?

– А что, можно подумать?

– Ну, положим, у вас несколько странный выговор, но такой встречается... в районах, близких к Португалии.

– У меня мать испанка, – ответил Эдик. – Из Бадахоса.

– Ну так я не ошибся! – Испанец даже всплеснул руками. – И потом, я наблюдал за вашей игрой. Темперамент у вас тоже наш, национальный.

«Это всё, что ты мог заметить!» – самодовольно подумал Жонглёр. А вслух сказал:

– Не пора ли нам познакомиться?

– Эдуардо Бетанкоурт, – представился испанец. – Винодел из Мурсии.

Эдуарду вдруг захотелось сказать, что они тёзки. Но он сдержался и назвался так, как это делал всегда в подобных ситуациях:

– Генрих... Москвич. Отдыхаю здесь, – махнул неопределённо рукой, – в санатории.

И первое, и второе, и третье, конечно же, было ложью. Но Миловзоров был артист – хороший артист и на сцене, и в жизни. У собеседника он вызывал полное доверие и симпатию. Испанец, оказывается, был в круизе – по Средиземному морю, а потом, проплыв Дарданеллы и Босфор, оказался в Чёрном. Однако отдых и развлечения он удачно сочетал с делом. Очень довольный, рассказал Эдику, что заключил удачные сделки с виноторговцами на Кипре, в Греции и Турции. Признался, что подумывал найти партнёров и здесь, в Грузии. Но – развёл удручённо руками, – ничего не вышло.

– У вас здесь коммунистические порядки и никакой частной инициативы, я это ещё в Батуми понял. Вы не обижайтесь, Энрико, но это так!

– Чему тут обижаться? А через торгпредство вы не пробовали договориться?

– Нет, это не получится. Я винодел средней руки, оборот небольшой. А ваши государственные торговые структуры интересуют крупные поставки. Да и налоги... Там, в других странах, я договаривался с владельцами ресторанов, санаториев, сети магазинов. У вас ведь таких нет!

Эдик неопределённо пожал плечами, промолчал. Здесь, на Кавказе, было всё, да только не все это знали. Он кое-что и кое-кого знал. Мог бы помочь испанцу, свести его с нужными людьми. Мелькнула такая шальная мысль. А что: мог бы получить хорошие проценты за посредничество... Но Охлопин был осторожным человеком. К испанцу надо было приглядеться, а они ещё не начинали играть – всё разговаривали, попивая вино. Пора бы и к делу...

Бетанкоурт словно прочитал мысли Эдика. Перегнулся к нему через столик, сказал тихо:

– Здесь мне нравится, но всё-таки... слишком много людей. Некоторые очень шумные.

– Да! – Эдик весело оглянулся вокруг. – Кавказский темперамент испанскому не уступает!

– Ему не хватает испанского благородства, не находите?

– Это верно.

– А я люблю играть в спокойной обстановке. Предлагаю уйти вдвоём ко мне в номер. Я ведь здесь живу, в этом отеле.

Эдуарду сразу понравилось предложение. Если у иностранца есть валюта, в номере на неё играть будет безопасно. И потом – во время игры наедине он быстро раскусит своего собеседника – не опасен ли, не провокатор? Может, и вправду решится стать посредником.

– Хорошо, – согласился. – Только позвольте мне из номера сделать заказ: вино, закуски? Я ведь сегодня в выигрыше.

– Сейчас в выигрыше, а там – как знать! – пошутил испанец. – Я ведь игрок хороший, предупреждаю.

– Тем интереснее. Что ж, идёмте. Вот только... в преферанс вдвоём не получится. Как насчёт покера?

– Покер? Отлично! – воскликнул Бетанкоурт. – Покер я тоже люблю.

– Тогда подождите минуту.

Эдик скользнул к столику недалеко от входа. Там сидел лысоватый крутоплечий молодой мужчина в безукоризненном чёрном костюме и галстук-бабочке. Он не играл – читал книгу или разговаривал с подсаживающимися к нему людьми. Спиртное он не пил, но минеральную воду, лёгкие закуски и кофе ему периодически приносили. Все знали – это распорядитель игорных залов. Жонглёр что-то негромко сказал этому человеку, передал ловко отсчитанные денежные купюры. Он прекрасно понимал: сумма его выигрыша хорошо известна – дело слежки в этом заведении налажено. Потому спокойно отстегнул нужный процент. Его принимали здесь гостеприимно, хотя и не знали, что именно он и есть известный Жонглёр. А, может, и знали...

Вдвоём с испанцем они поднялись на второй этаж. Номер был не люксовый, но хороший – первой категории. Гостиная, спальня, ванная, куда Эдуард прошёл вымыть руки. Когда он вернулся, на круглом столике у окна лежала новенькая колода карт, стояли бокалы и красивая, с витым горлышком, бутылка вина. Испанец доставал из холодильника расфасованную нарезку – сервелат, балык, пару апельсинов.

– Прошу, – он указал гостю на лёгкое кресло и сел в такое же. – Прежде чем начнём игру, оцените продукт моих виноградников.

Вино рубиново плеснуло в бокале. Эдуард поднял его, посмотрел сквозь хрусталь на электрический свет, коснулся напитка губами, с выражением радостного удивления кивнул:

– Отлично!

Сеньор Бетанкоурт похлопал его по плечу:

– Чувствуется ваша испанская кровь, мой друг! А как же ваша мать-испанка оказалась в этой стране?

– Она из испанских детей, – объяснил Эдуард. И, видя, что собеседник его не понял, пояснил: – В тридцать шестом, тридцать седьмом годах, когда у вас шла гражданская война, сюда вывозили детей из-под бомбёжек. Моя мама была среди них.

Глава 10

Всю жизнь Соледад не забывала ни своего родного языка, ни города, где родилась – с ажурным готическим собором и красивым старинным мостом Пальмас. Её отец был учителем математики и убеждённым республиканцем. Ещё в 36-м он ушёл в республиканскую армию. А в 37-м, когда бои шли под городом, во время бомбёжки погибла мать. Вдвоём с дочкой они бежали через улицу к ближайшему дому... Когда Соледад очнулась, у неё были перевязаны голова и рука, позже ей сказали о смерти матери. От отца не было никаких известий, и её, вместе с другими детьми-сиротами с миссией Международного Красного Креста вывезли во Францию. Там её спросили, в какой стране она хотела бы жить. Можно было бы остаться во Франции, поехать в Англию, Америку, Голландию... Соледад решительно сказала: «Хочу в Советский Союз!» Ей было 12 лет – взрослая девочка. И она хорошо помнила восторженные рассказы отца о стране, где все люди равны и счастливы... С Советским Союзом была договорённость о приёме испанских детей-сирот. И скоро Соледад с другими ребятами ехала через всю Европу в далёкую страну.

Навсегда она запомнила, как в Москве, на вокзале, их поезд встречал оркестр, играющий родные испанские мелодии, и много-много людей махали им руками, кричали: «Ура!» и «Салют!» Соледад плакала одновременно от горьких воспоминаний и от радости. Из Москвы их почти сразу повезли к Чёрному морю в лагерь Артек. Там юную испанку приняли в пионеры. Когда ей повязали красный галстук, она поцеловала кончики шёлковой материи, вскинула руку в приветствии: «Всегда готов!», а потом сжала кулак по-республикански: «Но пасаран!» Сюда же, в Артек, за ней приехали её приёмные родители и повезли в большой город, где отец работал главным инженером на машиностроительном заводе.

Она их сразу стала звать «папа» и «мама» – по-русски. И хотя смысл этих двух слов означал то же, что «padre» и «madre», но различное звучание как бы разделило их в сознании девочки. Для неё «падре» и «мадре» остались там, в Испании, и других таких никогда не будет.

Но своих новых родителей она сразу полюбила. Потому что и они любили её по-настоящему. Они были не молодые, и у них был взрослый сын Саша, курсант военного училища. Как и положено курсантам, Саша жил в казармах, летом – в военном лагере, домой приходил только по выходным. И всегда приносил своей названной сестрёнке шоколадку, или апельсин, или круглую коробку леденцов. Соледад, слышав его голос, стремительно выбегала навстречу, с разбега бросалась, обнимала за шею. Парень смеялся, кружил её, говорил восхищённо:

– Вот чего мне всегда не хватало, такой бойкой сестрёнки! Тише, Олечка, тише!

Он называл её Олей. Соледад привыкла быстро, так же быстро она научилась говорить по-русски.

Жила её семья в большой трёхкомнатной квартире. Поначалу девочке казалось странным, почему такое жильё считается очень хорошим. В Бадахосе их семья, тоже из трёх человек, жила скромно, но у них был двухэтажный свой дом: гостиная, столовая, кухня и ванная внизу, личные комнаты – наверху. Конечно, были люди богаче их, были беднее, были и нищие – она помнила таких, правда не знала, в каких условиях эти люди существовали. Но те, кто имел, подобно их семье, средний достаток, жили приблизительно одинаково. Здесь же, в Советском Союзе, трёхкомнатная квартира считалась чуть ли не роскошью.

Впрочем, это и вправду было так. В рабочем районе города, где жили машиностроители, выстроили много новых пятиэтажных домов. Семьи занимали одно или двухкомнатные квартиры – иногда очень даже большие семьи. А порой квартиры были общие для нескольких семей – «коммунальные».

Скоро Соледад ко всему привыкла. Наверное ещё и потому, что поняла главное: люди вокруг живут трудно, но радостно. Словно видят далеко впереди яркий свет и идут к нему,

всё убыстряя шаги. Отец пропадал на своём заводе чуть ли не круглые сутки, дома тоже часто говорил о работе, о новых машинах, которые вот-вот должны стать на конвейер. Мама, врач-хирург, готова была бежать в больницу по вызову даже среди ночи. Саша, новоиспечённый лейтенант, с энтузиазмом отправился служить в какой-то дальний гарнизон у западных границ... Да, конечно, среди знакомых встречались и неприятные люди: готовые ссориться с соседями по мелочам, сплетники, скряги. Но таких было немного – все их знали в лицо.

У Соледад было много друзей: в школе, в пионерском клубе, во дворе. Она прекрасно понимала, что ребята относились к ней с особенной симпатией, впрочем, не только ребята, но и взрослые. Там, в Испании, для многих Советский Союз представлялся страной необыкновенной, вызывающей возвышенные чувства. Здесь же такие чувства у людей вызывала Испания – страна, ставшая на пути фашизма! Мужество и романтика, героика и трагизм... Она, девочка-подросток, была испанка, и значит олицетворяла в себе эти качества. К тому же, все знали, что её мать погибла под фашистскими бомбами, а отец сражался в республиканской армии... Однако, Соледад-испанкой для своих друзей и подружек она была лишь в первое время. Через два года об этом мало кто вспоминал, просто все любили Олю Крупенину – весёлую, доброжелательную девочку с характером бесстрашным и гордым.

Дом, в котором жила семья главного инженера Крупенина, строился в начале тридцатых годов американскими специалистами и предназначался для руководящих работников завода. Он был пятиэтажным, сложной конфигурации, с несколькими арками – самым большим в районе. Двор у него тоже был обширный – со скверами, аллеями, детскими и спортивными площадками. Однако семьи руководящих работников заняли лишь небольшую часть квартир, почти же весь дом заселили инженеры, технологи, мастера и просто рабочие завода.

Всегда в одном месте – на скамье под развесистым дубом, – собиралась группа парней, на которую детвора посматривала с интересом, а взрослые с опаской. Ребята держались независимо, громко смеялись, пронзительно свистели, играли в карты, в пристеночек, в ножичек. Их подозревали во всех нехороших происшествиях: выбитых в подъездах лампочках, потоптанных клумбах, пропавших котах. И хотя никто из этой компании на горячем пойман не был, репутация хулиганов держалась за ними крепко. Во след подросшим девочкам они отпускали лихие комплементы и довольно хохотали, слыша в ответ обиженное: «Дураки!». Одна Соледад ходила мимо этой компании совершенно спокойно.

– Конечно, – говорила ей подружка Вера, – тебя они уважают, ведь у тебя родители в Испании погибли и брат офицер.

Но Соледад подозревала, что дело не только в этом. Явным вожаком этой компании был уже взрослый семнадцатилетний парень, и, несмотря на рискованную репутацию, он нравился всем девчонкам двора. Когда Соледад и Вере приходилось проходить мимо ребят или сидеть недалеко от них, Вера всегда восхищённо шептала:

– Какой он красивый, этот Серёжка Охлопин!

Самый первый раз, когда она сказала об этом, добавила:

– Жутко похож на артиста Столярова. Помнишь, из фильма «Цирк»?

Парнишка и в самом деле был хорош собой: высокий, ловкий и сильный – девочки не раз видели, как он легко отжимается на турнике и, играючись, крутит «солнце». Густые русые волосы и без расчёски слегка вились вокруг высокого лба, серые глаза из-под тёмных бровей смотрели весело и насмешливо. Но Соледад быстро заметила, что, когда Серёжка глядел на неё, насмешки во взгляде не было. Ей было всего четырнадцать, но она была испанка! И что означают подобные взгляды, для неё не представляло секрета. Конечно же, она нравилась этому парню! И он тоже нравился ей всё больше, чем больше она к нему приглядывалась. Хулиган? Ну, это как посмотреть! Он ведь учился в школе ФЗУ и работал на заводе токарем. А отец не раз говорил, что хороший токарь – это рабочая элита. То есть, Сергей не был бездельником, и если он хорошо, даже франтовато одевался – он сам на это зарабатывал. Соледад уже знала,

что Охлопины – многодетная семья, Сергей, самый младший, родился через два месяца после смерти своего отца. Много лет они бедствовали, мать одна поднимала детей, но теперь живут хорошо: все работают, даже он. Девочке нравилось, когда мужчина следит за собой, любит красиво одеться: она хорошо помнила, что подобное было в традиции у неё на родине. Но не только франтоватость и обаяние Серёжки Охлопина привлекало Соледад. Этот парень отлично играл на гитаре! Не раз она видела, хотя и мимоходом или издалека, как ловко, неуловимо быстро бегают по струнам его пальцы, слышала очень приятный его голос. От гитарных переборов и переливов голоса у неё замирало сердце, потому что в этом тоже была как бы частица Испании... Пел парень популярные дворовые песенки – о пиратах, о драках из-за роковой любви или что-то нагловато-весёлое, вроде «Шарабан мой, американка!» Но Соледад особенно и не вслушивалась: главное – гитара и голос. Только однажды, когда она проходила мимо компании, старательно отводя взгляд, Сергей резко прервал песенку, которую наигрывал, и после короткой паузы, заиграл негромко и запел:

Четверо генералов,
Четверо генералов
– Ах, мать родная! —
Восстали дружно.
Их, как придёт сочельник,
Их, как придёт сочельник,
– Ах, мать родная! —
Повесить нужно!

Девочка замерла, повернулась и впервые встретилась взглядом с глазами парня. Его глаза не насмешничали, как обычно, хотя он слегка улыбался. Он пел песню, которую она помнила: её запели поздней осенью 36-го в Бадахосе, как и по всей Испании! Тогда франкисты уже вплотную подошли к Мадриду, бои шли на окраине столицы. Вот тогда и родилась эта задорная песенка с такой яркой мелодией! Её сразу запели все – сначала в Мадриде, потом по всей стране. И мама пела её, и она, Соледад, и отец там, на фронте, наверное тоже пел... А теперь, через три года, на русском языке эту песенку пел парень, которого звали Сергей – пел для неё...

Через несколько дней произошло почти то же самое: Соледад шла через двор, и Серёжа Охлопин, увидев её, заиграл и запел другую очень популярную песню испанских республиканцев:

Наша армия за Эрбо
– Румба-ла, румба-ла, рум-бам-ба —
Этой ночью перешла,
– Ах, Кармела, ах, Кармела! —
Этой ночью перешла.

Соледад сначала остановилась, а потом медленно пошла к ребятам. Сергей сидел на лавочке один, остальная компания сгрудилась напротив – кто на столе, кто просто на траве. Она шла, а он, не отводя от неё взгляда, продолжал петь. Девочка обошла скамью, стала у парня за спиной и положила ему руку на плечо. Сделала это так спокойно и легко, словно не первый раз. У неё была фотография, привезённая из Испании: отец сидел, торжественно выпрямившись, а за его спиной стояла мама, спокойно положив на плечо мужчины руку – точно так же, как сейчас Соледад... Кто-то из ребят, опеших в первый момент, хохотнул, но сказать ничего не успел: Охлопин неуловимым движением оскалил зубы, сощуренные его глаза опасно блес-

нули. А потом он повернул голову, улыбнулся Соледад, и на его щеках проступили ямочки. Всё это время он не переставал наигрывать, а теперь вновь запел:

А фашисты с самолётов
– Румба-ла, румба-ла, рум-бам-ба —
Сыплют бомбы без конца,
– Ах, Кармела, ах, Кармела! —
Сыплют бомбы без конца.

Но теперь они пели дуэтом: Соледад подпевала парню на испанском языке.

Приёмные родители были очень заняты на своих работах, а Соледад привела домой Сергея раньше, чем дворовые слухи дошли до их ушей. Они посидели вечером вчетвером, попили чай, потом отец и Сергей долго стояли на балконе, курили, разговаривали. Когда гостя проводили, отец сказал, пожав плечами:

– Хороший парнишка, очень толковый... Правда, насчёт всего у него есть своё мнение... Может быть, это и хорошо?

Он вопросительно посмотрел на дочь:

– Ваша дружба... Ведь это что-то большее, да? Он самостоятельный и уже взрослый, а тебе только четырнадцать...

– Я тоже уже взрослая, папа!

Соледад улыбнулась так, что Крупенин сразу вспомнил о том, что Олечка – испанка, а испанские девочки взрослеют значительно раньше, и о взрослой жизни тоже многое знают чуть ли не с самого детства... Словно прочитав его мысли, Соледад добавила:

– Не беспокойся, папа: Серёжа меня не обидит!

Мама обняла её, сказала ласково:

– Ты у нас необычная девочка! И правда взрослая: разве кто-то из твоих подружек пережил то, что ты? Дружи, раз пришло время дружить...

Вскоре двор привык к необычной картине – дочь главного инженера в компании мальчишек-хулиганов. Впрочем, вскоре заметили и другое: парни перестали ругаться, задевать прохожих и обижать малышей. Да и просто реже шататься по двору: ходили компанией в кино, летом на пляж, а зимой на каток, а то и в походы за город... Потом компания распалась сама собой, но привычная пара – Серёжка Охлопин и Оля Крупенина, – всё так же оставались вместе.

Летом сорок первого года Соледад сказала родителям:

– Мы с Серёжей договорились, что поженимся через два года, когда мне исполнится восемнадцать.

– Разве ты не хочешь учиться, поступить в институт? – удивился отец. Они переглянулись с матерью: понимали, конечно, что дело идёт к замужеству, но всё же...

Девушка беспечно махнула рукой:

– Захочу, поступлю! Серёжа тоже хочет, чтобы я училась.

– Ну а сам-то он?

– Мужчине высшее образование не обязательно, если он может хорошо содержать семью!

– А он сможет? – с улыбкой спросила мама.

– Конечно!

Соледад знала, что говорит. Сергей уже имел репутацию умелого и удачливого картёжника, часто вечера, а иногда и ночи он проводил на квартирах, где игра шла по крупному – его охотно приглашали. Соледад ни за что не стала бы рассказывать об этом родителям – знала, что приведёт их в шок. Ей же очень нравилась эта таинственная жизнь Серёжки, и не только потому, что он всегда был при деньгах. Для неё карты тоже ассоциировались с Испанией, словно возвращали её в детство, в Бадахос, в маленькую таверну, где отец вечерами играл

с друзьями, а она, сидя у него на коленях, разглядывала красивых дам и кавалеров на картинах-картах...

Родители поздно вечером обсудили разговор с дочерью и решили: два года – долгий срок! Мало ли что за это время может случиться... Они оказались совершенно правы – за два следующих года случилось очень многое. Потому что через неделю началась война.

Через месяц Сергей уходил на фронт, а за несколько дней до этого была сыграна скромная негромкая свадьба. Соледад как раз недавно получила паспорт, где были указаны её испанские имя, фамилия, национальность. Теперь же она стала Соледад Охлопина. На вокзале, перед отходом воинского эшелона, она, крепко сжимая плечи мужа и глядя ему в глаза, сказала:

– Я знала, что фашисты придут и сюда! Убей их как можно больше! Но только пожалуйста, не дай им ещё раз забрать у меня того, кого я люблю. Не дай!

– Не беспокойся, Лёлочка! Им до меня не добраться. Ты только жди.

– Я очень надеюсь, что мы будем ждать тебя вдвоём...

Соледад не ошиблась: когда через три месяца она с родителями уезжала в эвакуацию, уже точно знала, что беременна. В небольшой город за Уралом вместе с людьми прибыли эшелоны с заводским оборудованием, и вскоре вновь возведённый завод стал давать фронту боевые машины. Отец руководил сначала стройкой, потом производством, мать стала главным врачом эвакогоспиталя. Соледад работала вместе с ней медсестрой и, когда пришёл срок, тут же в госпитале родила сына. Перед самыми родами получила от мужа с фронта письмо. Серёжа советовал ей назвать ребёнка именем одного из погибших в Испании родителей. Соледад так и сделала: её настоящего отца звали Эдуардо...

Сергей сдержал слово – вернулся с войны живым, хотя и не совсем здоровым. В тяжёлых боях за венгерский город Секешфехервар он был ранен в голову. После нескольких операций жизнь ему удалось спасти, только левым глазом он перестал видеть, да у самого виска навсегда остался не удаленный осколок. Через месяц после Победы, прямо из госпиталя, он приехал в родной город – гвардеец, старший сержант, грудь в орденах и медалях! Соледад и трёхлетний Эдик уже ждали его там, в своей прежней квартире. Правда, она уже была не трёхкомнатной изолированной, а коммуналкой: половина города лежала в развалинах, и люди заселяли все пустые квартиры. Но для Соледад – прежней хозяйки, – освободили одну комнату. Отец и мать остались за Уралом: он – директором завода, она – главврачом городской больницы. Брат Саша погиб на своей западной заставе ещё в первые дни начала войны... Охлопины стали жить втроём – своей семьёй.

Инвалидность на внешности Сергея никак не отразилась: ему только исполнилось двадцать четыре года, он был высок, красив, энергичен. Незрячий глаз его выглядел почти обычно, а то, что осколок временами даёт сильные головные боли, никто кроме врачей и жены не знал. Зато он получил законное основание работать в инвалидной артели по пошиву брюк, часто брать больничные листы. Такая необременительная, почти формальная работа прекрасно устраивала Охлопина: ему нужно было время для другого промысла – тайного и очень денежного. Сергей стал профессиональным картёжником, ловким и неуловимым шулером по прозвищу Вольт. Соледад была в курсе всех дел мужа. Для неё всё, что ни делал Серёжа, было отличным и правильным – она обожала его! Он тоже души не чаял в своей Лёлочке! Жили Охлопины, ни в чём не нуждаясь, каждое лето отдыхали в Крыму или на Кавказе, навещали за Уралом родителей. У них уже была изолированная двухкомнатная квартира. Соледад могла бы не работать, но энергия бурлила в ней, требовала выхода. Молодая женщина окончила фармацевтический техникум, стала провизором в аптечном управлении. Эдик рос живым, компанейским парнишкой, артистичным, начитанным и очень спортивным, к родителям был внимателен и нежен. Дома с матерью он часто разговаривал по-испански, а отец делал вид, что сердится. Соледад и Эдик смеялись: они прекрасно знали, что Сергей их отлично понимает, только говорить по-настоящему так и не научился. Зато Эдик владел испанским языком, как

своим родным. Парень уже учился в цирковом училище, когда жизнь Охлопиных резко пере-
менилась. Соледад поехала в Москву, в командировку, дала телеграмму, что возвращается
самолётом. Этот самолёт упал на землю, развалившись на куски, уже в черте города, над боль-
шим лесопарковым массивом. Десятки машин «Скорой помощи» мчались туда со всех концов
города, опытные врачи возвращались в шоковом состоянии и с нервными срывами: на месте
катастрофы не было не только живых людей, но и тел – отдельные части на земле, на кустах
и деревьях... В памяти Эдуарда мама осталась красивой, весёлой, молодой – ей ведь не было
ещё и сорока!

Глава 11

Во всех подробностях историю своей матери Жонглёр, конечно же, не стал рассказывать партнёру – так, в общих чертах. Но и этого оказалось достаточно, чтобы испанец проникся к нему чуть ли родственным чувством. Поэтому играть с ним оказалось невероятно легко. Жонглёр дозировал проигрыши и выигрыши, как сам хотел. То пасовал на сдаче, то выдавал партнёру каре или маленький флеш. Очень скоро он понял, что испанец знает несколько самых наивных трюков и время от времени пытается шельмовать. «Так вот что он имел ввиду, когда говорил, что он «сильный игрок»!» Эдику стало смешно, но он совершенно спокойно давал «ловить» себя. Сам же, когда хотел, сдавал Бетанкоурту тройку тузов, а себе – фул валетов и разыгрывал буйную радость от выигрыша. В другой же раз, пользуясь коронным вольтом отца, доставшимся ему в наследство, он сдавал выигрышную комбинацию карт партнёру.

Время летело незаметно. Так же незаметно для испанца, его деньги перекочёвывали на сторону его друга «Энрико». Как Эдик и надеялся, это и в самом деле были доллары. Поскольку Бетанкоурт получал от игры настоящее удовольствие, он не слишком огорчился проигрышу. Да и Эдик следил за тем, чтобы его партнёр время от времени радовался, отыгрываясь, хотя выигрыш бывал заметно меньше потерь.

Они играли уже несколько часов, но не устали. Бетанкоурт следил за тем, чтобы бокалы не были пусты, чтобы закуска не иссякала. Они делали небольшие десятиминутные перерывы, во время которых испанец охотно рассказывал о себе, своей жизни и работе. Наверное, ему приятно было вновь свободно говорить на родном языке в этой чужой стране, где несколько дней его почти никто толком не понимал. И потом – Эдик ему был очень симпатичен.

Сам о себе карточный шулер Жонглёр знал одну вещь – он был рациональным игроком. Азарт никогда не властвовал над ним, но он, когда было надо, отлично имитировал его. Сам же всегда следил за игрой расчётливо, мог на самом, казалось бы, взлёте спокойно уйти. Он никогда не поддавался на подначки и уговоры, если это не совпадало с его собственным желанием, не играл с кем попало, а безошибочно выбирал партнёров. Играл Эдуард только с одной целью – выиграть деньги. И если большинство его «коллег» просто не могли жить без игры, он спокойно выдерживал длительные – месяцами, – перерывы, просто исчезая с поля зрения. Потому, будучи известным катранщиком, именитым карточным мошенником, Жонглёр всё равно оставался «тёмной лошадкой». Вот и теперь, играя с испанцем, он внутренне был спокойным. Тот же, наоборот, всё больше входил в азарт. Когда за окном проступили розоватые предутренние сумерки, Бетанкоурт, возбуждённый выигрышем, вновь предложил сделать небольшой перерыв. Он принёс новую бутылку вина и, раскупоривая её, сказал:

– Очень жаль, Энрико, что у вас не осталось родственников в Испании. А то бы, приехав к ним, вы бы не захотели покидать нашу прекрасную страну!

– Мне тоже жаль, – ответил Эдик искренне.

В самом деле, Соледад пыталась разыскать родных, оставшихся в Испании. Ещё до войны, с помощью приёмных родителей, она делала запрос на отца. С самой Испанией тогда, конечно же, никакой связи не было, но через международные организации Красного Креста поиски велись среди испанских беженцев в странах Европы. Безрезультатно. После войны она сама дважды посылала заявление в Министерство иностранных дел – в пятидесятые годы и в шестьдесят втором, незадолго до своей трагической гибели. Опять же, с франкистской Испанией дипломатических отношений не было, но через третьи страны поиски всё-таки велись. Увы, надежды и Соледад, и самого Эдика не сбылись. Испанский дед его, по всей видимости, погиб в гражданскую войну, никаких других родственников тоже не нашлось. Бетанкоурт, приподняв свой бокал, проговорил вдохновенно:

– Сейчас, к сожалению, вы ещё не сможете приехать в Испанию, но у нас в стране уже происходят разные изменения... Да, скоро многое поменяется, попомните мой прогноз. И тогда я приглашу вас, Энрико, к себе в гости!

Они чокнулись, выпили, закусили. Бетанкоурт щёлкнул пальцами, собираясь что-то сказать, как вдруг, совершенно неожиданно, захрипел, посинел, стал хватать воздух открытым ртом, задыхаясь. Это случилось так неожиданно и страшно, что Эдик оцепенел. Ему было двадцать семь лет, и у него на глазах никогда не умирал человек. Он, в любой ситуации решительный и энергичный, испугался так, что в первое мгновение прижал к лицу ладони, словно прятался. Но потом, пересиливая себя, медленно подошёл к испанцу. Тот наполовину лежал в кресле, наполовину сполз на пол. Его тело подёргивалось, глаза закатились и уже, похоже, ничего не видели. «Сердце, – подумал Эдик. – У него что-то с сердцем!» Он слышал, что нужно положить человеку под язык таблетку валидола или накапать сердечных капель, но где их взять? Да и в самом ли деле это сердечный приступ? Бывают ещё разные комы – эпилептическая, диабетическая...

«Нужно позвонить, вызвать врача...» – опять подумал он, но это была вялая, недействительная мысль. Во-первых, потому, что Эдик вдруг понял: испанец уже мёртв! Мгновение назад, у него на глазах Бетанкоурт сильно дёрнулся и тут же стал неподвижен. Тело его обмякло и почти полностью сползло на пол. Заведённые глаза, полуоткрытый рот, скрюченные пальцы... Эдик резко отвернулся, почти подбежал к приоткрытому окну, распахнул его сильнее. Некоторое время он стоял, глубоко вдыхая свежий утренний воздух. Он думал о том, что вызывать врача не нужно, и не только потому, что помощь опоздала. За медиками последует милиция, которой потребуются предъявить документы, объяснить своё появление здесь. И это – самое малое! Начнётся расследование, станут копаться в его жизни, его делах!

У Эдика закружилась голова, застучала кровь в висках. О, нет! До сих пор он так ловко избегал общения с милицией, и вдруг этот нелепый случай может поставить всё под удар! Ведь этим ищейкам стоит лишь потянуть за ниточку, лишь заподозрить, и они до всего докопаются... Вдруг Эдик сжал кулаки так, что ногти впились в ладони: ещё одна мысль пришла в голову! А что, если медики ошибутся и не признают смерть испанца естественной? И его, Охлопина, обвинят в убийстве с целью ограбления?

Нет, нет, он должен убрать все следы своего пребывания в этом номере, а потом незаметно исчезнуть, испариться... Но, вместо того, чтобы действовать, Эдик медленно опустился в своё кресло, не отводя взгляда от мёртвого тела в кресле напротив. Идея, молнией блеснувшая в уме мгновение назад, казалась такой бредовой, невероятной, авантюрной... И такой привлекательной, что заболело сердце!

– Минуточку! – сам себе сказал Эдик, сказал полушёпотом, но вслух. – Я просто представлю – на минуточку, – что это можно сделать... Просто представлю! Мы ведь с ним похожи, ну, не как братья, однако же... Я превращаюсь в испанца и улетаю в Швейцарию...

Эдуард вскочил и стремительно прошёлся по комнате. Он теперь не смотрел на мёртвого Бетанкоурта, он прикидывал: что он знает об испанце! Оказывается, Эдуардо много успел рассказать о себе. Он холост, родителей уже нет, единственная старшая сестра живёт с мужем и детьми в Чили. Завтра... нет, уже сегодня вечером он должен улетать – из Адлеровского аэропорта в Москву, а там – в Женеву, где у него тоже есть какие-то компаньоны... Так, это хорошо: значит в Испании Бетанкоурта не скоро хватятся друзья, сослуживцы – это ведь не близкие родственники, которые начинают быстро беспокоиться. А компаньоны в Женеве решат, что он просто не прилетел, изменил планы. Всё складывается отлично! Бетанкоурт говорил, что он даже за гостиницу уже рассчитался, чтобы в день отъезда не тревожиться. Значит, здесь тоже его не хватятся. Прекрасно!

Эдик поймал себя на мысли, что строит планы уже всерьёз. Заставил себя остановиться, перевести дыхание. А что! Почему бы и в самом деле подобное не осуществить? Ведь это

вполне возможно – он уже поверил! Разве не думал он, особенно последний год, о загранице, как о несбыточной мечте? И вот – такой случай! Надо быть полнейшим идиотом, чтобы упустить! У них ведь даже имена одинаковые, и язык испанский ему как родной, и роста они одного, и комплекции! Немного подгримироваться – это же пустяк для артиста Миловзорова! Бог мой, да что тут думать!

И всё же Эдик заставил себя уйти во вторую комнату, в спальню, сесть там и всё хорошенько продумать, до мелочей. Потом он просмотрел все вещи Бетанкоурта. Нашёл паспорт и узнал, что испанец старше его на пять лет. Это не страшно – разница минимальная, на взгляд незаметная. Два билета на самолёты: Адлер-Москва и Москва-Женева... Довольно много денег, большинство – в долларах. Это тоже его порадовало. Обнаружился ещё один документ: Эдик долго рассматривал его, пока понял – это кредитная книжка одного из швейцарских банков. Сумма вклада была не огромная, но внушительная. С такими деньгами вполне можно начать приличную жизнь за границей! На мгновение мелькнула мысль о подписи Бетанкоурта, но он не стал сейчас об этом думать – там, в Женеве, ещё будет время. И потом, у него ведь есть и свои собственные накопления в долларах. Как хорошо, что он послушался отца!

Охлопин быстро и умело упаковал все вещи Бетанкоурта в два кожаных чемодана. Теперь перед ним стояла самая трудная задача – избавиться от трупа. Умершего испанца не должны были найти хотя бы несколько ближайших дней. И Эдик уже знал, что он сделает, нужно было только везение!

Канализационный люк с чуть сдвинутой крышкой он заметил сразу, когда вместе с испанцем пришёл в этот номер. Подошёл к распахнутому окну, выглянул, глубоко вдохнул, сказал восхищённо:

– Окна прямо к морю – великолепно!

Но цель у него была иная: осмотреться. Хотя Эдику никогда не приходилось удирать – от партнёров или от милиции, – он предусмотрительно намечал пути к вынужденному внезапному отступлению. В этот раз он тоже заметил, что со второго этажа легко соскочить – рядом по стене приходит водосточная труба, – что эта часть двора пустынна, а близкий морской берег – не обустроенный пляж, а дикое место. Люк почти под самым окном он тоже увидел, но не придал ему значения. Зато теперь весь расчёт был именно на него.

Ловко и быстро – всё-таки циркач! – Эдик соскользнул из окна на землю. Мгновенно осмотрел те немногие окна, выходившие на эту часть двора. Все были темны и безлюдны: к четырём часам утра даже самые упорные гуляки спали крепко и безмятежно. А первый обслуживающий персонал появится в коридорах и служебных помещениях гостиницы через час-полтора... Эдуард отодвинул чугунную крышку, почти полностью открыв люк. И вновь так же ловко взобрался в номер. Мёртвое тело испанца лежало уже рядом с окном, полностью подготовленное к «транспортировке». Ему подмышки были протянуты скатанные жгутами простыни, на них Эдик осторожно опустил тело на землю, простыни втянул обратно в номер, и только после этого спрыгнул на землю сам. Вновь быстрый взгляд вокруг – всё тихо, спокойно! Через несколько минут тело Бетанкоурта было сброшено в канализацию, люк с негромким звяканьем плотно лёг на место. В руках у Эдуарда осталась небольшая дорожная сумка на длинном ремешке. В этой сумке, принадлежащей Бетанкоурту, лежали его документы, деньги, ключ от номера и один из костюмов испанца. Повесив сумку на плечо, Охлопин решительно направился к морю. Там, берегом, он вышел к шоссе, поймал такси и поехал в Сочи.

Машина мчалась по высокому побережью, внизу волны то нежно розовели, то вскипали багрецом – всходило солнце. Эдуард впервые в жизни видел восход над морем, но почти что не замечал его. Эмоции и мысли будоражило другое. Он вспоминал о том, как, преодолевая страх и брезгливость, сбрасывал мёртвому усы, как раздевал того до нижнего белья. Но это нужно было сделать! Он всё рассчитал: Бетанкоурт, живой и здоровый, спокойно покинет гостиницу, улетит в Москву, а потом – в Женеву. Об этом станут свидетельствовать и документы, и люди.

Если где-то след испанца и оборвётся, то только в Швейцарии, а скорее всего, ещё дальше – в Америке... Когда тело в канализации найдут, никому не должно прийти в голову, что это испанец. Мало ли кто – много людей исчезают бесследно!

Вдруг впервые за это утро Эдуард подумал: а ведь и его самого тоже станут искать! На день-два он предлог придумает, но потом друзья-артисты хватятся его, поднимут большой шум... А вдруг тело из канализации идентифицируют, как его – артиста Миловзорова? Эдик усмехнулся: вот это будет вольт! И подумал: «А что, это было бы даже хорошо. Люська, конечно, будет в трансе! Но ничего, переживёт. С таким братцем, как её Вадим, не пропадёт ни она, ни Коська. А там – как сложатся обстоятельства. Может, со временем я сумею их тоже туда выдернуть...»

Через полтора часа он подъехал прямо к гостинице, где остановилась вся филармоническая группа. Было ещё рано, но Эдик знал: сегодня у них первое выступление в детском санатории в десять утра. Его коллеги и в самом деле уже вставали, умывались, готовились к завтраку. Он совершенно естественно присоединился к ним в столовой, потом взял свой чемоданчик с реквизитом и долларами, нашёл гримёршу Софочку, попросил «оживить» ему лицо. Софочка увела его в свой номер, посадила перед зеркалом.

– Да, Эдик, тени у тебя под глазами очень и очень! Небось, водишь в свой номер-люкс по ночам девиц, не высыпaeшь?

– Обижает, малышка! – Эдик нежно, почти невесомо провёл ладонью от плеча к бедру молодой женщины. – Если б это было так, я бы начал с тебя! Неужели отказала бы?

Софочка качнула бедром так, что сразу не понять – от него или к нему, засмеялась:

– Попробуй! Ты ведь никогда мне такого не предлагал!

Так, перебрасываясь с гримёршей шуточками, Эдик с ловкостью жонглёра и картёжника стащил у неё тюбик чёрной краски для волос.

Он отыграл с группой программу в детском санатории, а когда санаторский автобус вёз их обратно к гостинице, подсел к руководителю.

– Слушай, Миша, тут такое дело... Один местный мандариновый король из-под Пицунды зовёт меня на два дня к себе в имение. Говорит – у его мамы именины. Старушке ещё с дореволюционных времён нравились жонглёры и фокусники. Вот сын и хочет сделать ей подарок в моём лице.

– И что, хорошие деньги обещает? – спросил оживлённо руководитель.

– Да уж грех было бы отказываться!

– Везёт тебе, Эдик! А, может, ему будет нужен и саксофонист? Или певец? Ты уж узнай, не будь эгоистом!

– Я узнаю, – пообещал Эдуард. – Но вы тут без меня отыграйте сегодня вечером и завтра...

Подобные индивидуальные заказы случались и в прошлых поездках, потому руководитель согласно кивнул. В свою гостиницу Эдик вошёл с сумкой через плечо и чемоданчиком в руке – было всего лишь слегка за полдень. А через два часа из гостиницы вышел не Эдуард Охлопин, а Эдуардо Бетанкоурт – тёмные, почти чёрные волосы, франтоватые усики, красивый импортный костюм... Волосы Эдик совершенно профессионально покрасил себе сам, фальшивые усы всегда были у него среди реквизита, а костюм испанца сидел на нём, как влитой. Теперь он очень сильно походил на Бетанкоурта, – во всяком случае, для не слишком пристальных глаз. Эдик очень надеялся, что таких глаз ему не придётся встретить.

В Гаграх, в «Ориенталь» он вошёл непринуждённо, одной рукой придерживая сумку, в другой небрежно вертя ключи от номера. Кивнул дежурному за административной стойкой и с удовольствием увидел, что тот ему приветливо, как знакомому, улыбается. Войдя в комнату, сразу подошёл к окну, бросил взгляд на плотно лежащий на месте канализационный люк,

коротко вздохнул, успокаиваясь. Заказал по телефону обед в номер, а потом вызвал такси и спокойно уехал в Адлер, в аэропорт – точно к своему самолёту.

А потом он летел в комфортабельном салоне первого класса из Москвы в Женеву и чувствовал себя мальчишкой, играющим в шпиона. Он с удовольствием выбирал себе блюда на ужин, заказывал напитки, заигрывал со стюардессой на смешанном испанско-немецком языке. Он, как казалось ему самому, веселился от души. И только когда стал сходить по трапу в аэропорту Коунтрэн, вдруг сильно забило сердце, а когда вошёл в ярко освещённый зал – подкосились ноги. «Боже мой! – подумал он в сильном волнении. – Неужели всё так легко прошло? Это же просто невероятно!» Сейчас, наконец-то позволив себе поверить и расслабиться, Эдуард испытал настоящий шок. Только теперь он осознал в полной мере: жизнь его внезапно и круто изменилась. Да что там изменилась! Начинается совершенно иная жизнь! Неизвестно, какой она будет, но всё же Эдик надеялся – отличной, богатой и весёлой! Он ведь так молод, ловок, умён, везуч! А мир, в котором он очутился, предоставляет предприимчивому человеку такой размах! Не в пример тому миру, который он покинул...

Два дня он прожил в небольшой гостинице, походил по городу, полюбовался Женевским озером. И принял окончательное решение – пора улетать в Америку! Во-первых, в Швейцарии ему просто нечего делать, в Соединённых же Штатах такому оборотистому парню, как он, дело найдётся. Во-вторых, нельзя долго жить под именем Бетанкоурта. А вдруг он ошибся, и испанца начнут разыскивать гораздо раньше? Интерпол, как он слышал, организация очень серьёзная! Значит, надо убираться подальше и менять фамилию. Опять же, в Штатах, наверное, это сделать будет просто – в такой огромной и многолюдной стране затеряться не трудно... В одном из городских туристических агентств он купил путёвку во Флориду, оформил все документы, и в один прекрасный день уже летел через океан в Соединённые Штаты. Единственно на что Эдуард не решился, так это получить в банке деньги Бетанкоурта. Приобретенная за годы картёжного промысла осторожность удержала его: нужно было ведь подделывать подпись, а на этом он мог погореть. «Нет, – решил Эдик, – нельзя рисковать всем, что так удачно сложилось! В конце концов, у меня наличных денег достаточно для стартового прыжка!» Впереди его ждала Америка – страна огромных возможностей...

Глава 12

Май в Швейцарии – это уже лето. По скверу вдоль набережной мимо Кости то и дело проносились на роликах подростки – в шортах и лёгких футболках, в многочисленных кафе столики уже были выставлены на улицы, за ними сидели люди. Костя отметил, что в его родном городе тоже появилось много открытых кафе, но там столики днём обычно пустовали, а вечерами оккупировались молодёжью. Здесь такой возрастной градации не было: парни и девушки пили пиво и напитки, люди среднего возраста – вино с закусками, старушки потягивали кофе... Облокотившись на парапет, молодой человек смотрел в сторону недалёкой пристани, на красивые стройные яхты. Он ничем не отличался от своих швейцарских ровесников – брюки, футболка и туфли были куплены два дня назад в местном магазине, и даже по-немецки он говорил свободно. Да, последние полгода он усиленно совершенствовал свой немецкий!

Костя был в Берне уже два дня. Фирма «Континенталь Стар» занимала небольшой, но отлично обустроенный офис в деловом квартале города. Собственно, это был двухэтажный особнячок между двумя высотными зданиями: красивая кованая ограда вокруг, полированная дверь с тонированными стёклами, жалюзи на окнах. Скрамная добротность словно говорила о том, что фирма солидная, надёжная! Господин Лео Штрассель знал о приезде Константина, ждал его. В своём кабинете он самолично разлил в рюмочки коньяк, чокнулся «за встречу», и стал читать письмо Баркова. Костя знал, что дядя написал коротко, по-деловому: только то, что нужно сделать, не называя причины. Штрассель дважды перечитал, прежде чем поднял взгляд на молодого человека. Глаза его за чуть тонированными стёклами очков были холодно-пристальными.

– Понимает ли мой друг Вадим, что это очень непростая задача?

Костя вольготно расположился в кресле, смакуя коньяк маленькими глотками. Он выдержал взгляд, выдержал паузу, ответил коротко и весомо:

– Он понимает. Иначе не обратился бы к вам.

Штрассель встал и прошёлся по кабинету. Среднего роста, по-европейски подтянутый, в элегантном костюме, благородная седина на висках – респектабельный, вызывающий полное доверие вид. Костя чуть заметно усмехнулся: ему-то известно, какой хваткой обладает этот человек – бульдожьей! Ни за что не упустит выгоду! Теперь Штрассель нервничал, потому что хорошо знал: Баркову отказать нельзя! Слишком много тот знает о нём, да и общих, очень выгодных дел у них хватает.

– Леонид Григорьевич! – Костя допил последний глоток, поставил рюмочку, сунул в рот ломтик ананаса. – Да не волнуйтесь вы так! Вадим Сергеевич уверен – вы всё провернёте в лучшем виде! С вашим опытом, вашими связями...

Последнее слово Костя произнёс многозначительно: у Штрасселя были обширные связи не только в официальных финансовых кругах, но и в других – полулегальных, занимающихся сомнительными, но очень прибыльными операциями. Штрассель через плечо глянул на него, улыбнулся:

– Вы ещё очень наивный молодой человек, Костя, – сказал ласково и совершенно спокойно. – Никогда не стоит афишировать какие-то свои особенные знания... Лучше держать их при себе... Но вы правы: я, конечно, для господина Баркова его просьбу выполняю. А что, он собирается перебраться жить в Америку? Но у него, насколько я знаю, и в швейцарских банках есть капитал? А, впрочем, денег никогда много не бывает, это так!

Костя неопределённо пожал плечами: пусть Штрассель думает, что хочет. Так даже лучше.

Теперь, гуляя по набережной реки Ааре, он испытывал труднообъяснимую словами смесь чувств. Радость и облегчение, восхищение самим собой и мальчишеское бахвальство. Были

бы ролики, он стал бы на них и пустился бы наперегонки с местными подростками! Как он рисковал, когда, внезапно даже для самого себя, решился на такое серьёзное дело! И вот – награда и за риск, и за смекалку, и за выдержку! Отец порадует и станет гордиться ним – уже совсем скоро! Штрассель, правда, попросил его два-три дня подождать.

– Поживите в Берне, отдохните, развлекитесь, – сказал он Косте. – Я постараюсь, но всё же не уверен... Могу не уложиться в указанный вами срок, уж очень он короток.

– Постарайтесь уложиться, – веско ответил ему Костя, хотя про себя подумал, что несколько дней задержки с переводом – это, в сущности, ерунда. Вадим, конечно, будет нервничать, но ведь всё сойдёт благополучно. На первый раз, как говорится, простится...

Вдруг Косте пришла в голову невероятная идея: а что, если слетать к Инге, на Гавайи? Поначалу он мотнул головой: «Нет, глупости!» Но сердце уже стучало возбуждённо. Почему бы и нет! Он страшно по ней соскучился, и у него есть два-три свободных дня! Было у него и ещё одно страстное желание: ужасно хотелось поделиться с кем-нибудь своей удачей, увидеть обращённый на себя восторженный взгляд, услышать что-то вроде: «Ты невероятный парень, другого такого нет!» Да, да, очень хотелось хотя бы одному человеку рассказать обо всём, что он задумал и воплотил в жизнь. Рассказать Инге... Но мысли об этом Костя отгонял, не признавался самому себе в подобном желании.

Минут через пятнадцать колебаний и размышлений он решился: вперёд, на Гавайи! Риска не будет даже минимального: он полетит не по своему паспорту – совсем по другому документу! Ведь если произойдёт что-то непредвиденное, дядя легко установит, что Костя летал на Гавайи. Зачем же компрометировать себя и Ингу? Глупо! Здесь, в Берне, лежит и ждёт его другой паспорт. Ведь не даром же отец приготовил этот документ для него, Кости...

Это случилось когда они встретились второй раз, минувшей осенью, здесь, в Берне. Именно тогда отец и рассказал ему, чего конкретно Рудольф Портер и он сам ждут от Кости – какого именно подтверждения его деловых качеств.

– Настоящий бизнес, мой мальчик, это сплав предприимчивости, знаний, фантазии и смелости. А смелость в бизнесе – это умение перешагивать препятствия и ни о чём не жалеть. Ты, может, и не помнишь, а в моё время в Советском Союзе существовал такой пропагандистский ярлык: «акулы капитализма». Так вот, советские идеологи были совершенно правы: американские и западные бизнесмены – это именно «акулы». А сейчас, я думаю, и у вас так же: кто сумел заглотнуть побольше, в том числе и конкурентов, тот и плавает, где хочет! Таков мир больших денег. Хочешь жить в нём – становись «акулой».

Костя слушал отца, ловил его ироничную усмешку и плавные жесты, как замороженный. Он готов был соглашаться с ним во всём. И потом: за месяц, который они не виделись, он и сам прикидывал, как именно он может доказать своё право стать партнёром таких людей? Вариант, предложенный отцом, тоже приходил ему в голову – без подробностей, конечно, а так, вообще... Впрочем, отец тоже никаких деталей ему не разрабатывал, сказал:

– Задача ясна? Вот и покажи, достаточно ли у тебя сообразительности и фантазии, чтобы её осуществить! Сумма, как ты сам понимаешь, для Рудольфа невелика, но он очень не любит дармоедов и прилипал. Да, Рудольф не меценат, он – «акула». Рядом с собой терпит только достойных партнёров. Докажи это, твоё будущее обеспечено. А деньги эти он оставит тебе, как фундамент для роста...

После этого разговора отец привёл Константина в офис небольшой туристической фирмы. Здесь, в одной из комнат, стоял ряд железных ячеек, напоминавших Косте автоматические камеры хранения на вокзалах. Одну из них, оказывается, арендовал отец. Он набрал код, а потом ещё открыл дверцу специальным ключом, достал и подал Косте швейцарский паспорт на имя Герхарда Клаузера. «Что это?» – хотел спросить Костя, но тут же увидел свою фотографию. В первую встречу отец попросил его оставить ему фото на память, и они сделали снимок в моментальном фотоателье. Теперь этот снимок был вклеен в паспорт.

– Это твой паспорт, мой мальчик. В любой нужный тебе момент ты можешь стать швейцарским гражданином. Мало ли что может случиться в жизни! Пусть паспорт на всякий случай лежит здесь, в ячейке, а ключи от неё будут только у меня и тебя. Ты ведь говорил, что можешь легко приехать в Берн?

Ещё не совсем пришедший в себя Костя кивнул: он и в самом деле легко мог придумать предлог для поездки в Берн, слишком много банковских связей тянулось сюда. Он разглядывал паспорт, и сердце его всё больше наполнялось радостью. Только теперь он поверил, что отец в самом деле заботится о нём, любит его! И потом, сейчас он почувствовал себя по-настоящему свободным человеком... И вот теперь, почти полгода спустя, это ощущение свободы реально подтверждалось! Он, совершенно инкогнито, полетит на Гавайские острова по этому паспорту – швейцарец Герхард Клаузер. У него хватит неподконтрольных денег на билет туда, а обратно ему даст деньги Инга – уж от неё Вадим никогда не требует отчёта!

Он вылетел через несколько часов, этим же вечером. Мощный «Боинг» нёс Константина над Европой, в салоне бизнес-класса было полупусто, тихо, уютно. После ужина и кофе он взял себе немного коньяка и тоника. Можно было включить телевизор или музыку, но он не стал этого делать. Радостное, умиротворённое настроение просило чего-то иного, более созвучного ощущению скорых чудесных перемен в жизни. Костя стал смотреть в иллюминатор, на бесконечную цепочку светящихся огней внизу. Они то вытягивались в одну линию, то собирались в сверкающие скопления – иногда небольшие, а иногда просто огромные. Можно было в любую минуту нажать кнопку и получить информацию: над каким городом пролетает лайнер. Но Костя и этого не делал: он словно парил в мистико-романтическом полусне и не хотел его нарушать... Впрочем, где-то над Турцией он и в самом деле заснул – крепко, спокойно, в удобно откинутом кресле. И проспал до самой посадки в Дели, около восьми утра.

В делийском аэропорту Костя сразу почувствовал, что он – в иной части света. Пока самолёт заправлялся и проходил технический контроль, их, пассажиров, привезли в ресторан при терминале – транзитном зале ожидания. Здесь слышалась самая разная речь, попадалось много азиатских лиц – китайцев, японцев, мелькали белые индусские и цветные индонезийские одежды, чалмы... В меню тоже ощущалась восточная кухня. Он сидел на втором ярусе терминала, в кафе, где их кормили по специальным бесплатным талонам, и думал об Инге – она была уже так близка! О том, что они с Ингой давно и ловко обманывают Вадима.

Он продолжал думать об этом уже вновь поднявшись в воздух: думать о себе, о своём дяде и о его жене – об Инге. Впервые Костя увидел её на банкете, устроенном Вадимом в честь своего обручения с Ингой. И сразу же влюбился в неё! Иначе и быть не могло: эффектная женщина со стройной и, одновременно, сексапильной фигурой, уверенной походкой, независимым оценивающим взглядом, великолепными волосами, отливающими естественной, глубокой, как ночь, синевой, и таким волнующим смехом, что кружилась голова... Она была всего лишь на три года старше Кости, и он стал с ней держаться, как с ровесницей – просто, по-дружески. Скоро Инга стала женой Вадима, а Костя – самым близким родственником, самым верным другом, доверенным лицом и просто незаменимым человеком. Он обхаживал её тонко и ненавязчиво. Инга была опытным человеком в отношениях с мужчинами, но всё же какое-то время не догадывалась о его чувствах. А потом, в один прекрасный момент, обнаружила, что настолько привыкла к его постоянному присутствию, островам, взглядам, знакам внимания... И когда однажды Вадим, занятый срочной работой, попросил племянника отвезти свою жену на машине в столицу, где открывался кинофестиваль, Инга не устояла. Уже в пути, в салоне автомобиля, в придорожных ресторанах, где они останавливались перекусить, между ними возникла особая атмосфера предощущения близости – в быстрых взглядах, мгновенных прикосновениях рук, многозначительном молчании, понимании друг друга с полуслова.

Костя хорошо знал о своей внешней привлекательности и особом обаянии, был высокого мнения о своём ироничном уме. Теперь, когда он познакомился с отцом, он сразу понял – откуда всё это у него. Наверное, отец тоже был неотразимым сердцеедом!..

Та неделя, которую они провели с Ингой на кинофестивале, была великолепна. Они занимали в гостинице два разных номера, но жили в одном – у неё. Сразу же, как приехали, поселились, распаковали вещи, Костя – после душа, в свежем костюме, – постучал к Инге в номер. Шагнул за ней, уже зная, что произойдёт: возбуждение, которое всё нарастало и нарастало в дороге, просто не могло не выплеснуться. Гостиница, комфортабельный номер, они вдвоём... Когда Костя положил руку на бедро молодой женщине, она вздрогнула так, словно их обоих ударило электрическим разрядом. Через минуту, лихорадочно стянув с себя одежду, они были уже в постели. Идя к Инге, Костя представлял, как медленно, сладострастно он будет расстёгивать её пуговицы и застёжки, водить пальцем по коже... Они же повели себя, как подростки – задыхались от нетерпения, торопились! Но зато потом, придя в себя и отдохнув, и Костя, и Инга насладились близостью как страстные и опытные любовники. Она, конечно же, знала толк в любовных играх, Костя – тем более. Он давно уже пользовался услугами высокооплачиваемых девушек из трёх элитных секс-салонов, и потому – не сомневался в этом, – был великолепным любовником.

...Самолёт летел ровно, движение почти не ощущалось. Мерное гудение моторов не раздражало – наоборот, обволакивало спокойствием, расслабляло. Костя, успев до посадки в Токио хорошо выспаться, чувствовал себя бодро. Стюардесса принесла ему коньяк, кофе, нарезанные ломтиками фрукты. Отхлёбывая маленькие глотки, он смотрел в иллюминатор. Небо было безоблачным, и он видел внизу бесконечный океан – серую, чуть рябящую гладь. И почему-то не мог оторвать взгляд: океан завораживал своим монотонным нескончаемым движением, огромностью и той невероятной глубиной, которая всего лишь угадывалась, но от этой догадки начинало болеть сердце! Океан навевал воспоминания и мечты. Те и другие были связаны с Ингой.

Их связь первые месяца три развивалась бурно, стремительно, страстно. Странно, что никто об этом не догадывается, но они, как могли, старались конспирироваться. Костя давно жил отдельно от матери: беспокоиться о сыне у неё не было никаких причин, и она полностью посвятила себя интересам нового мужа – садовода-любителя. У Кости же была своя квартира, туда и приезжала Инга. Но потом она стала находить предлоги появляться у Кости всё реже и реже, он же, наоборот, искал этих встреч. Длинноногие красавицы из салонов его не утешали – они давали радость только телу, да и то – на несколько минут. Впрочем, в красоте и искусстве любви Инга им не уступала, но она была ему не только любовницей: и другом, и сестрой, и компаньоном – с ней он мог обсуждать свои планы, говорить о самом сокровенном, просто быть самим собой. Костя и не заметил, как эта женщина стала частицей его самого. И только когда она резко порвала с ним, он понял, как нужна ему Инга. А она и в самом деле однажды просто оборвала их связь. Долго не приходила к нему, а когда он, истосковавшись, стал неосторожен, пришла и сказала:

– Я, Костик, люблю Вадима. И не хочу его терять. Ты, надеюсь, тоже не хочешь ссориться с ним, так ведь? Наверное, наша связь была нужна. Может быть, без этого я не поняла бы, как люблю мужа. Так что я тебе, дорогой, благодарна. Мне с тобой было всегда очень хорошо, но больше встречаться мы не будем. Ты понял?

Он, конечно, понял: она боится потерять Вадима. Ещё бы: так богат, так влюблён в неё, готов выполнять любую прихоть, и не просто готов – может всё себе позволить... Слова Инги о любви к Вадиму Костя пропустил мимо ушей – надо же было ей что-то сказать в своё оправдание! И ещё в одном она права: ему тоже нельзя терять расположения дяди, ведь Вадим легко может смешать его с дерьмом!

И всё же Костя надеялся, что хотя бы изредка они с Ингой будут встречаться. Но нет, она успешно делала вид, что не понимает его намёки. Прошло полгода, а он, вместо того чтобы забыть её, тосковал всё сильнее! Пытался, конечно, утешиться – возможностей к этому хоть отбавляй, – но не мог. Но теперь – Костя в этом не сомневался, – всё будет по-другому! Теперь его мечты – не просто воображение и планы, они уже осуществляются. Пройдёт совсем немного времени, и он, Костя, будет по-настоящему богат и независим. Рудольф Портер и отец возьмут его в компаньоны, и первый его миллион быстро умножится во много раз! Тогда Инга будет с ним, уедет с ним за границу! Нет, она не может любить Вадима, она любит его, Костю! И должна обо всём, что происходит, узнать уже сейчас – быть готовой к перемене жизни. Ведь теперь события станут развиваться стремительно... Только такая великолепная женщина, как Инга, должна быть рядом с ним! И она не устоит, особенно когда узнает о главной Костиной мечте...

Костя вздрогнул и почти приник лицом к иллюминатору. В океане, впереди, он увидел остров – первый остров в пустом водном пространстве за всё время полёта! И именно в тот самый момент, когда он подумал о своей мечте! Это – знак свыше! Ведь мечта эта – о своём собственном острове. С того момента, когда отец рассказал ему о личном острове Рудольфа Портера, Костя заболел желанием иметь такой же. Он уже представлял себе этот будущий остров-государство в самых мелких деталях. И теперь, глядя на плавающий в серых волнах маленький зелёный островок, он думал: где-то здесь, в Тихом океане, левее от трассы самолёта, есть архипелаг Кермадек, а в нём – остров миллиардера Руди Портера. Что ж, пусть! Пройдёт немного времени, и у него, Константина Охлопина, тоже будет свой остров – своё королевство. И королева Инга...

Глава 13

Вот уже почти час Костя не отрывался от иллюминатора. Тихий океан перестал быть пустынным: внизу, на серой глади то и дело возникали зелёные клумбы островов, вокруг которых даже с такой высоты различались белопенные пояса прибоя. Стюардесса только объявила, что они подлетают к Гавайскому архипелагу, как лайнер вошёл в облака. Но вот он быстро и плавно стал снижаться, и вдруг перед взглядами пассажиров возникли окутанные дымкой скалы в окружении яркой зелени, тёмно-синие капли водоёмов, извилистый жёлтый берег, белые стены города. Возглас восхищения вырвался, казалось, одновременно у всех.

– Остров Оаху! – воскликнул ближайший сосед Константина. – А вот это – Даймонд Хед! Она похожа на льва, не так ли?

Костя понял, что он говорит о возвышающейся внизу горе. «Алмазная Голова» – перевёл он мысленно. В этот момент самолёт сделал разворот и стал заходить на посадку в аэропорту Гонолулу. Стюардесса объявила, что за бортом прекрасная погода, назвала время. И Костя ещё раз поразился: оставалось всё так же восемь часов вечера того самого дня! Словно не летел он пол суток, не пересёк половину земного шара!

Такси неторопливо лавировало в потоке машин по улицам Гонолулу. Было ещё светло, но повсюду ярко горела иллюминация – рекламы, витрины магазинов, бары, казино... Таксист, по всей видимости китаец, ещё в аэропорту спросил «господина» – бывал ли он уже в Гонолулу? И теперь по пути охотно, на неплохом английском языке, рассказывал Косте обо всём, что мелькало за окном. Так что Костя знал, что они ехали по главной артерии города – Кинг-стрит, что проехали мимо старого королевского дворца, мимо красивого здания суда, свернули на улицу Калакауа... Улицы были многолюдны, мелькали лица разных национальностей и рас, яркие одежды. Такси остановилось у отеля «Ройял Гавайян» – одной из лучших и старинных гостиниц Гонолулу, словоохотливый китаец распахнул перед Костей дверцу и долго кланялся ему вслед, получив пятидолларовую бумажку.

В широком прохладном вестибюле Костя подошёл прямо к портю, спросил по-английски, в каком номере остановилась госпожа «Инга Барков» и узнал, что сейчас она как раз у себя. Он отказался от провожатого, сам пошёл к широкой лестнице на второй этаж мимо стеклянных витрин устроенных здесь магазинов – цветочного, ювелирного, парфюмерного. Он постучал в дверь номера особой дробью: ещё не так давно это был его и Инги кодовый, тайный знак. Дверь распахнулась стремительно.

– Костя! – воскликнула Инга изумлённо. – Вот это неожиданность! – Но тут же в её взгляде появилась тревога: – Что-то случилось? Тебя прислал Вадим?

Она была в платье фантастически-ярких разводов и такого прозрачного шёлка, что её загорелая фигура казалась совершенно доступна взору. Костя легко обхватил её за талию, шагнул вперёд, закрывая за собой двери.

– Глупенькая, – потянулся губами к её щеке. – Если бы что-то случилось, Видим бы тебе просто позвонил... Я примчался сюда к тебе! Страшно соскучился! Он ничего об этом не знает...

Инга отстранилась, но лишь слегка. Она не отрываясь смотрела на Костю, и выражение её лица медленно менялось. Тревога сменилась недоверчивым удивлением, потом зрачки её дрогнули, потеплели, она радостно улыбнулась.

– Ко мне? Просто так? Ах, Костик, да ты просто авантюрист!

Её ладонь тыльной стороной легонько коснулась его щеки, погладила. И Костя, мгновенно задохнувшись от волнующего, хорошо знакомого запаха её духов и кремов, поймал губами тонкие пальцы женщины. Инга вздрогнула, и в тот же миг он прижал её к себе, и она не стала сопротивляться. Она ощутила странное смятение в чувствах: тело напряглось – оно

вспомнило Костины ласки, сердце наполнялось благодарностью – он прилетел к ней на край света, а разум сопротивлялся, уговаривал её не торопиться, всё оценить здраво! В самом деле, Инга хорошо изучила Костю – он был очень рациональным и достаточно циничным человеком. Да, она понимала, что он сильно в неё влюблён, но знала и подоплёку этой влюблённости – зависть, тайное соперничество с Вадимом. И потом, не надо забывать, что «край света», куда он примчался за ней, – воистину райский уголок! И всё же, всё же... Она уже поняла, что уступит Косте, хочет уступить! У себя дома она ни за что бы не возобновила их связь. Но здесь – иное дело! Как бы хорошо не было ей на Оаху, родное лицо, глаза, смотрящие на неё с обожанием... Он прилетел сюда к ней и только к ней!

Костя знал толк в обращении с женщинами, а уж с Ингой – тем более. Он не стал форсировать события, позволил ей налить в бокалы вина, медленно пил, не сводя с неё глаз, чувствуя, как всё больше намагничивается воздух между ними. А потом предложил:

– Поедем, развлечёмся куда-нибудь! Ты ведь знаешь, где здесь бывает интересно? Покажи новичку гавайскую прелесть, я ведь здесь впервые.

– Пойдём, покажу! – Инга радостно вскочила. – Это и правда необыкновенно! Тебе очень понравится, вот увидишь!

Она не стала переодеваться, только надела лёгкие местные сандалии – словно сплетённые из коры деревьев и ярко раскрашенные. Они вышли из гостиницы, не стали брать машину – Инга вела его за руку по улицам. На его вопрос отвечала только одно:

– Сейчас сам увидишь!

И смеялась, качая головой.

Косте уже было интересно. По улицам мчался поток автомобилей, как и в любой европейской столице, и улицы были так же ярко освещены, но над городом как бы нависали необычные горы – пурпурно-золотые в лучах заходящего солнца. И там, в той стороне, куда не проникал электрический свет, словно бы чудилась глубина приближающейся тропической ночи. Красивые изгороди вокруг особняков – деревянные и кованые, – были увиты стеблями с крупными цветами: белыми, бледно-розовыми, алыми. Костя уловил необычный аромат, и Инга сказала, что это пахнут цветущие имбирь и плюмерия. Потом она показала ему огромную смоковницу:

– Этому дереву, говорят, уже больше двухсот лет!

Они свернули на боковую улицу – попроще, победнее, но ещё более многолюдную. Здесь магазины больше напоминали лавки: распахнутые двери, выставленные на улицу прилавки. На одних разложены товары, на других – дымящаяся еда, которую готовят тут же, на жаровнях. Голоса, необычные по мелодике, с резкими перепадами нот, громкий смех, крики.

– Здесь, наверное, сборище всех азиатских наций, – восхищённо поцокал языком Костя. – Гляди-ка, прямо как обезьянка!

Мальчишка-малаец в красных купальных трусиках сидел на кокосовой пальме, на длинной верёвке он опустил вниз сетку с кокосами, и кричал прохожим, явно предлагая купить плоды. Из открытой двери какого-то кафе доносилась томительно-красивая мелодия.

– Слышишь, Костик! – Инга на минутку остановилась. – Как мне она нравится! Это «Роза южных морей», её тут уже много десятилетий поют, играют... Подожди, мы скоро придём!

И вдруг как-то сразу они очутились на пляже. Под светом множества разноцветных фонариков золотилась широкая полоса песка, пенилась белая линия прибоя, мерно ударяя о берег. И, наверное, десятка два гавайских гитар вызванивали три-четыре разных мелодии, которые невероятным образом всё равно сливались в одну. На мгновение Костя застыл, очарованный: множество людей танцевали на пляже под эту музыку. Кто-то был завёрнут в яркие ткани, на ком-то – только юбочка из листьев, некоторые – в брюках и рубашках с коротким рукавом. Но все – одинаково веселы, раскованы. Время от времени одни танцоры выходили из круга, другие, появляясь из ближайших улочек, сходу вступали в бесконечный танец. А над всем этим

весельем колыхались, размахивая хвостами, кивая головами и сверкая фосфористическими глазами бумажные змеи-драконы...

– Здесь каждый вечер карнавал, для туристов, конечно, – объяснила Инга. Она уже нетерпеливо приплясывала на месте. – Это пляжи Вайкики – одни из самых знаменитых в мире, слышал? Они далеко тянутся вдоль береговой полосы, а эта их часть – для людей попроще. Завтра посмотришь элитарные места... Но мне здесь очень нравится! Пошли танцевать!

Она потянула Костю за руку, и они тут же очутились в самом эпицентре этого непрекращающегося танца. Через несколько минут Костя уже не владел своим телом – им управлял невероятный, одновременно зажигательный и томный ритм, а ещё – тягучий звон гавайских гитар. Он не мог оторвать взгляд от Инги: высокая, гибкая, смуглая, с миндалевидными карими глазами, блестящими от азарта и отблеска огней, – она очень походила на женщину Гавайских островов. Её чёрные волосы были ровно острижены на уровне плеч, и это, да ещё лёгкое яркое платье делали сходство поразительным – она словно сошла с одной из картин Гогена...

Костя не заметил, сколько прошло времени до тех пор, когда они, смеясь и глубоко дыша, вышли наконец из круга танцующих. Сели прямо на песок, совсем близко от полосы прибоя, тут же к ним подбежали продавцы напитков и местных лакомств...

– Знаешь, мне всегда ужасно нравились гавайские гитары. – Костя говорил и гладил ладонью обнажённое плечо женщины. – Я ещё мальчишкой был... У нас во дворе один парень хорошо играл на гитаре. У него была обыкновенная старенькая шестиструнка, и однажды он нам, пацанам, сказал: «Хотите, покажу гавайскую гитару?» Достал финку, открыл её и лезвие подсунул под струны. А потом дёрнул одну струну и одновременно повёл лезвием – получился такой необыкновенный звук... Тонкий, дребезжащий и длинный: «Вау-у-у-у!». У меня аж дыхание перехватило – так понравилось. Вот с тех пор я и мечтал услышать настоящую гавайскую гитару. Слышал, конечно: в кабаках, на концертах. Но вот это! – Костя махнул рукой в сторону карнавала. – Это просто фантастика!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.